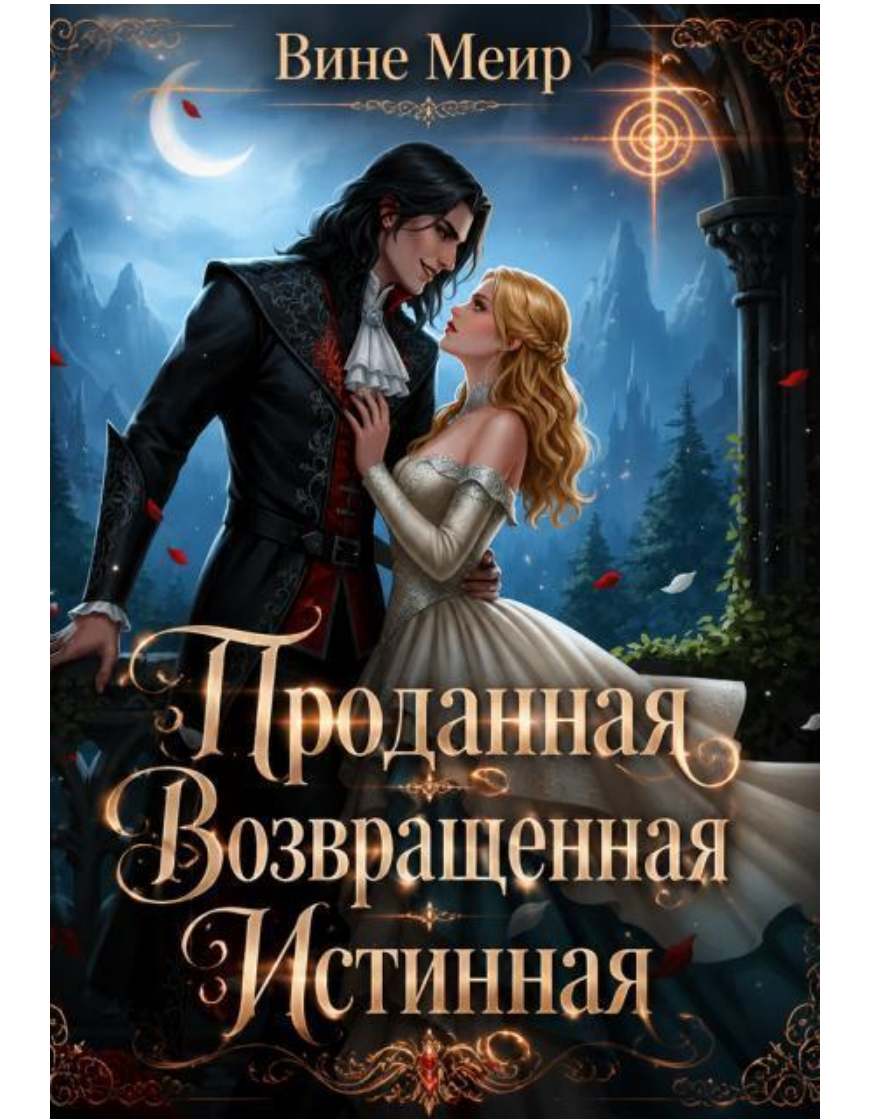

Вине Меир

Проданная
Возвращенная
Истинная

Вине Меир Проданная. Возвращенная. Истинная.

<https://litres.ru/74213708>

Аннотация

Продали. Как вещь. Как последний кусок мяса с прилавка. И кто? Родные родители. Винить их? Да. Буду. Но понимаю: королевство в упадке, налоги растут, а кругом чума и голод. Люди страдают, работать некому. Настоящий кошмар. Но не для меня...

Мой кошмар ждет меня впереди. И имя его – Велиар Моренвиль. Тот, кто меня убил.

Высшие силы вернули меня в этот мир, ради шутки, ровно в тот момент, когда прозвучало «Ты едешь сегодня же...»

Смогу ли я избежать смерти в этот раз?... а может... не стоит пытаться и просто жить в свое удовольствие? Этот вампир еще поймет, кто кого!

ХЭ

Содержание

Глава 1	4
Арт. Глава 1	13
Глава 2	14
Глава 3	21
Арт. Глава 3	30
Глава 4	31
Арт. Глава 4	38
Глава 5	39
Глава 6	46
Глава 7	57
Глава 8	65
Арт. Глава 8	72
Глава 9	73
Глава 10	79
Глава 11	86
Глава 12	96
Арт. Глава 12	103
Глава 13	104
Глава 14	114
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Глава 1

Последнее, что я помнила — его глаза. Не цвет, нет. Цвета в полумраке его кабинета не разглядеть. Я помнила холод в них. Безразличный, изучающий, как у человека, который вот-вот переломит хребет назойливой птичке.

И тишину после хруста собственной шеи.

А потом — ничто. Не тьму, не свет. Просто ничто. Ощущение вечного падения без тела и без страха.

И сразу после — всё. Звуки, запахи, тяжесть в груди.

Я вдохнула.

Знакомый запах.

Запах дома.

Моего дома.

Откуда мне путь в один конец заказан был десять лет назад.

Я стояла в тронном зале, уставившись в потрескавшуюся штукатурку стены. В ушах гудело, а в висках стучало одно-единственное, чудовищное слово, которое описывало все происходящее:

«Продали».

Густое и липкое, как дым от печи.

Оно исходило от склонённых плеч отца, который не смотрел на меня.

Оттирало краску с маминых пальцев, пока она теребила

свой вылинявший плащ-накидку. В это время года было уже прохладно.

Они только что это озвучили мой приговор:

«Ты едешь сегодня же...»

Не может быть.

Просто не может.

Я вернулась к ним? В этот самый миг. После смерти, после «ничто» — меня швырнуло обратно в точку, где всё началось? Высшие силы? Если они есть, у них чёрное, просто угарное чувство юмора.

— Элис, — голос матери дрогнул. Она всё ещё не поднимала стыдливых глаз. — Пойми... Королевство... Налоги. Чума выкосила половину селения. Урожай сгнил. Мы не...

— Мы не справимся, — закончил за неё отец, голос, как и тогда, был тупым и лишенным жизни. — Граф Моренвиль... Он предлагает щедрое вознаграждение. За тебя. Ты будешь при его дворе. В безопасности, сытой.

Граф. Велиар. Моренвиль. Мой кошмар. Мой убийца.

Во рту стало горько от адреналина, которого ещё не должно было быть. От памяти, которой в этом моменте ещё не существовало.

Я медленно перевела взгляд с отца на мать. Лица были серыми от усталости и безысходности ситуации. Они видели перед собой дочь — испуганную, обиженную, возможно, готовую рыдать. Они не видели того, кто стоит перед ними сейчас. Ту, что уже знает, как хрустит камень под колёсами

кареты, везущей тебя в его замок. Как пахнет в его библиотеке — старым пергаментом, дорогим вином, чем-то металлическим, сладковатым. Как немеют пальцы, когда его холодные пальцы сжимают твоё горло при любом непослушании.

Они продавали меня из лучших побуждений. А я знала, что продают на смерть. И что их я больше не увижу. Не пройдет и пары месяцев, едва ли я освоюсь, как придет весть о том, что чума забрала всех.

Винить их? Пф. Да.

В моей груди, старой и новой одновременно, вздымалась чёрная, ядовитая волна обиды. Самый страшный страх — не от чужака, а от рук тех, кто должен был защищать.

Я буду винить. До конца.

Но... Они были честны. Это не оправдание поступку, но факторы, которые существовали, отрицать было нельзя. Про чуму. Про голод. Из окна доносился не детский смех, а кашель. На улице пахло не хлебом, а дымом погребальных костров. Их кошмар был здесь. Реальный, голодный, вонючий. И короткий...

Мой — ждал впереди. Через десять долгих лет. И у него было имя.

— Сегодня же? — спросила я странно ровно. Не как у молодой, только ставшей возраста замужества, Элис, а как у той, что побывала в «ничто».

Мать вздрогнула, кивнула, на глазах выступили слёзы.

— Карета графа... — ее голос дрожал, но она старалась

держаться, как подобает королеве, — она уже в пути. К вечеру будет здесь.

У меня было несколько часов. Всего несколько часов между этим «сейчас» и тем моментом, когда я снова увижу его. Холодные глаза. Белые, ухоженные руки.

В прошлый раз я ехала непокорно. В слезах. В страхе перед неизвестностью. Перед этим мы устроили последний совместный ужин, и провели время вместе, а после меня в истерике затолкали в повозку.

В этот раз я запретила себе делать то же самое, дышала тихо, сжимая пальцы в кулаки так, что ногти впивались в ладони.

— Буду у себя...

Вопрос повис в спёртом воздухе тронного зала, кричал эхом в голове, в такт стуку моего сердца:

«Смогу ли я избежать смерти в этот раз?»

В покои я вошла с гордо поднятой головой. Но едва дверь закрылась, ринулась к зеркалу. Я должна была убедиться.

— Магия... не иначе... — сорвалось с губ.

Все та же молодая девушка. Те же светлые, непослушные волосы, собранные в простую косу. Те же широкие серые глаза, которые отец называл «озёрными». Лицо, на котором ещё не было ни одной морщины, только едва заметные веснушки у переносицы. Хрупкие плечи под грубым домотканым платьем.

Я прикоснулась к своему отражению. Кожа была тёплой,

живой. Под ней отдавалось бешеным стуком сердце — то самое, что остановилось в его кабинете. Я повернула голову, глядя в шею. Ни синяков, ни следов. Ничего.

Но внутри... внутри всё было иначе. Там сидела не девчонка, которую пугает переезд в чужой дом. Там жила тень. Женщина, прожившая десять лет в золотой клетке, научившаяся читать по его молчанию и угадывать настроение по звуку шагов в коридоре. Женщина, которая знала, что за маской аристократической утончённости у Велиара скрывается что-то древнее, ненасытное и лишённое жалости. Он был тем, кто брал то, что хотел и никак иначе.

Я отшатнулась от зеркала. Видеть это юное лицо и чувствовать на себе груз прожитых лет — было пыткой. Память нахлынула болезненной волной.

Первая встреча. Он у крыльца своего замка, в чёрном сюртуке, серебряная булавка в виде совы на лацкане. Его взгляд, скользнувший по мне, оценивающий, как вещь.

— Примите её, обустройте в восточном крыле, — сказал он управляющему, даже не удостоив меня прямого обращения.

Годы унижений, притворной покорности. Я училась: кету, музыке, даже начаткам латыни — не потому, что он хотел меня образовать, чтобы у него была прилежная и умная возможная будущая супруга, а потому, что развлекался, наблюдая, как девушка, что должна была радоваться замужней жизни и не знать бед, пытается постичь неизвестные доселе

искусства. И все зря.

К алтарю я так и не пошла.

Я видела, как исчезали другие. Служанки, гости, любовницы, и даже одна из его дальних родственников. Всех объявляли сбежавшими или умершими от болезни.

Я молчала. Потому что боялась. Потому что где-то в глубине ещё теплилась глупая надежда — если буду идеальной, он меня отпустит. Или полюбит. Даже тогда...

Я вздохнула, заставляя себя дышать ровно.

Нет-нет. Паника не помощник. Она убила меня в прошлый раз — в прямом смысле слова. И что же? Это повторится? Разве может?

Я знала его распорядок. Знакомые слабости в охране замка (старый водосток в южной стене, по которому иногда сбежали нахальные коты). Я знала дни, когда он уезжал в столицу. Знакомые тропы в лесу. И время, когда его лучше было не беспокоить. Знала, как его подозрительность граничила с паранойей. Как его слуги были больше чем слугами — глазами и ушами, верными до смерти. А его сила... она не была человеческой. В ту последнюю ночь я это поняла окончательно.

Бежать сейчас? Сорваться с места, пока карета не приехала, и бежать куда глаза глядят? Идея зажглась в голове ослепительной вспышкой. Но тут же погасла, задавленная грузом реальности.

Куда? Чума косила деревни. Дороги кишели разбойника-

ми и дезертирами. У меня не было денег, еды, связей. Меня, молодую девушку в одиночку, либо ограбят и убьют в первую же ночь, либо схватят и вернут за вознаграждение, в лучшем случае. А если я сбегу, родителям не простят долга.

Смешно...

Мой отец, Эдгар Лорн, был королём. Он носил корону, пусть и потускневшую, на крошечном, забытом богом и людьми клочке земли под названием Айронвейл.

«Королевство» — это громко сказано. Скорее, обнесённая стеной долина с десятью деревнями, рудником, который давно не работал, и замком, больше похожим на укреплённую усадьбу.

Моя мать, Лира, была его королевой. Она когда-то пела на балах в столице, а теперь её песни заглушал кашель чахоточных подданных.

Наш долг был записан в толстой книге учёта у графа Моренвиля. И тянулся далеко до моего рождения. Золотые монеты, взятые в долг ещё моим дедом, чтобы отстроить стены после набега горных кланов. Проценты на проценты, которые копились десятилетиями. А потом — заём на лекарства во время первой волны чумы. На семена, которые не взошли. На уплату императорского (какая ирония) налога, который наша нищая провинция всё равно не могла потянуть.

Мы были марионеточными правителями, которых столица терпела за лояльность, но не поддерживала. А Велиар Моренвиль был одним из тех, кто держал ниточки. Не самый

богатый, не самый влиятельный при императорском дворе, но самый близкий. Его земли граничили с нашими. И он был самым... заинтересованным.

Он скупал наши долги у других кредиторов, консолидировал их. Делал это тихо, вежливо, с поклонами и заверениями в вечной дружбе. Отец, наивный и гордый, видел в этом жест благородства. Я же теперь понимала: он собирал контрольный пакет. Не акций, а нашей сломленной воли. Нашей земли.

Последний заём был взят полгода назад. Под залог. Под залог единственного, что у нас ещё оставалось ценного, кроме титула, который уже ничего не стоил.

Под залог меня.

В договоре, который отец подписал дрожащей рукой, не было таких слов, конечно. Там говорилось о «брачном контракте», о «союзе домов», «попечительстве» графа над юной леди Элис Лорн ввиду тяжёлого положения её семьи. Только вот держать он сказанное не пожелал. Это была юридическая мишура, прикрывающая простую и чудовищную сделку: они отдавали ему свою дочь и наследницу, а он списывал долги и обещал защиту Айронвейлу от голода и чумы.

Защиту. От чумы, которая их же и погубила. От чумы, которую, как я теперь подозревала, он же и изучал в своих подвалах.

Я подошла к узкому окну своей комнаты, вглядываясь в унылый двор нашего «замка».

Несколько кур копошились у полуразвалившегося колодца. Старый солдат, дядя Гаррет, чистил единственную ржавую кирасу. Королевство в упадке. Мой отец был хорошим человеком, но плохим королём. Он любил людей, а не управлять ими. Он раздавал последнее, вместо того чтобы копить, и в итоге оказался в долговой яме у хищника.

«М-да... знали бы они как все будет... передумали бы?»

Нет. Не передумали... хоть они и погибли, я то прожила гораздо дольше. Даже если бы рассказала... все равно отправили бы.

Арт. Глава 1

Глава 2

Меня ждало две недели пути. Сидя в повозке, прикрыв лицо магически заряженным платком, тонким, почти невесомым, с вышитой по краю серебряной нитью руной «очищения», чтобы не подхватить хворь, я ехала к «жениху». На деле — хозяину по праву договора.

Дорогая безделушка, брошенная мне в руки его сопровождающим перед отъездом, как милостыня нищей.

Для существа, владеющего магическими артефактами, мог бы и добыть камень перемещения. Но зачем тратить на ненастоящую невесту, правильно?

«Его светлость беспокоится о вашем здоровье».

Я почти рассмеялась. Он беспокоился о целостности товара. Чумная девка ему была не нужна. Ненароком заразить и его подданных.

Карета была не чёрной и роскошной, как я почему-то помнила, а прочной, без окон, больше похожей на тюремный фургон. Деревянные стенки, скамья, застеленная грубым сукном.

— Докатилась... — с выдохом сорвалось с губ.

Сопровождали двое: кучер, немой как пень, и стражник в простой, но новой кольчуге, с холодными глазами, которые видели во мне не принцессу, а ценный груз, который нужно было доставить в целости. Имя его было Гораций, и в про-

шлой жизни он отвесил мне подзатыльник за то, что я слишком медленно вышла из кареты. Припомнить бы ему это...

Первые дни я молчала, делая вид, что погружена в тоску и страх. Я смотрела в щель между досками, наблюдая, как знакомые убогие пейзажи Айронвейла сменяются чужими лесами и холмами. Дороги были пустынные. Иногда мы проезжали мимо сожжённых хуторов, мимо придорожных крестов, облепленных воронами. Воздух, даже через фильтр платка, пах смертью и пеплом.

Надо отвлечься. Вспомнить что-то...

В замке Моренвиля было три уровня подвалов. На первом — винные погреба. На втором — хранились припасы и архивы. Третий... третий был заперт. Ключ Велиар носил на цепочке, спрятанной под одеждой. Туда спускались только он и его личный алхимик, сухонький человечек по имени Сигурд. Оттуда иногда доносился странный, металлический звон и... запах. Тот самый, сладковато-гнилостный.

Интересно. Но пока бесполезно. Дальше...

У Велиара была привычка. Каждый вечер, ровно в девять, он удалялся в свою оранжерею — странное помещение без цветов, заставленное кристаллами и приборами. Он проводил там час. Никто не смел беспокоить.

Не то...

Еще.

Его камердинер, старик Элрик, был глух на одно ухо. Справа. Если говорить тихо и с этой стороны, он часто пе-

респрашивал.

Я копалась в памяти, как в сундуке со ржавым хламом, надеясь найти алмаз. Пока находила лишь осколки стекла.

На пятый день пути, когда карета, подпрыгивая на ухабах, вползла в густую тень соснового бора, Гораций, сидящий напротив, неожиданно заговорил.

— Ты не похожа на них, — хрипло бросил он, будто разговаривал с самим собой, не отрывая глаз от узкой полоски света, мелькавшей в его щели.

Я медленно перевела взгляд от своей, где мелькали стволы деревьев, на его профиль. Лицо его было обветренным, с жёсткой линией рта и глубокой морщиной между бровей. Он не смотрел на меня.

— На кого? — спросила я.

— На тех, кого мы обычно возим, — он повернул голову, его глаза скользнули по мне. — Не ревёшь. Не бьешься в истерику. Не царапаешь дверь. Сидишь тихо.словно едешь домой.

«Потому что так и есть... Моренвиль-Холд станет моим домом на ближайшие десять лет. Моей тюрьмой, моей гробницей и моей школой выживания», — пронеслось у меня в голове. Но вслух я лишь спросила:

— А другие ревели?

Гораций хмыкнул, коротко и сухо.

— Кто как. Одну, помню, рыжую такую, — провел он рукой в воздухе, показывая на свою шевелюру, — пришлось

связать. Прямо в дороге. Рвала на себе волосы, выла так, что лошади шарахались. Его светлость потом... не оценил шума.

Он помолчал, будто вспоминая.

— Другая... другая попыталась сбежать на второй день. Ночью, когда мы меняли лошадей. Прыгнула с подножки и побежала в лес. В темноте сломала ногу, наверное, о корень. Мы её нашли по крику. Его светлость был крайне недоволен. Испорченный товар, — он произнёс это слово с отчётливой, профессиональной отстранённостью. Так лесник говорит о сгнившем бревне.

«Товар».

— И что с ней стало? — спросила я, уже зная ответ. Но мне нужно было как-то продолжить разговор, чтобы не сойти с ума в тишине.

— Её не починишь. Дорого обошлось бы лекарям, — пожал мужчина плечами, — да и кому она сломанная нужна? Утилизировали. В лесу же и осталась.

Я сглотнула, чувствуя, как в горле встаёт горький ком. В прошлой жизни я не слышала этих историй. Меня везли в относительной, наивной тишине. Я была поглощена своим страхом, своими слезами, не замечая зловещих намёков в молчании охранника, и его раздраженного взгляда.

А ведь если подумать... то у меня сейчас есть шанс. Шанс изменить ход истории. Пусть по крупицам. Пусть незаметно. Не могу же я просто взять и покорно идти по тому же сценарию, что прежде, ожидая даты своей смерти!

Я выпрямила спину, встретив его безразличный взгляд.

— А я — не испорченный товар? — спросила я, даже как-то слишком деловито.

Он изучающе посмотрел на меня, взгляд задержался на глазах, потом он медленно, почти с уважением, покачал головой.

— Ты — особый заказ. Ещё и принцесса в придачу, — сквозил лёгкий, циничный налёт, — С тобой велено обращаться... аккуратнее. Ты же не прислуга какая.

«Особый заказ». Ага. Как же! Когда я графу наскучила, помню, намывала полы в замке, да готовила на кухне не хуже других.

«Принцесса без королевства»... Смешно.

Да... не смотря на весь тот ад, я всё же обзавелась там чем-то вроде семьи. Не по крови, а по несчастью. В голове всплывали образы.

Несколько служанок — Марта, круглолицая и вечно что-то жующая, и тихая, как мышка, Лора — стали мне за эти годы подругами, почти сёстрами. Мы делились крохами еды, передавали друг другу сплетни, смеялись тихим, подавленным смешком в прачечной, когда надзирательницы — служанки постарше, что работали подольше, не видели.

А с кухаркой, Доротеей, которую все ласково звали Додо, так и вообще отношения были сродни материнским. Она была грузной, вечно краснолицей от жары печей женщиной с золотым сердцем.

Да... Она всегда знала, что сказать.

Когда меня впервые высекли за разбитую тарелку, это Додо принесла мне в каморку мазь и кусок ещё тёплого пирога.

«Кушай, детка, — шептала она своим хриплым голосом. — От горя живот не болит, а от голода — ещё как. Выживать надо».

Она научила меня разбираться в травах, показывала, какие можно украсть с огорода, чтобы не заболеть цингой. Она была моим тихим, тёплым уголком в том ледяном аду.

И все они... все они исчезли. Одна за другой.

Лору забрали «для работы в покоях хозяина» и не вернули.

Марту уличили в краже серебряной ложки — ложки, которую, как я знала, подбросил один из старших лакеев. Её высекли и продали в городе.

А Додо... Додо просто не пришла однажды утром на кухню. Говорили, умерла. Просто не проснулась и все. Махнули рукой, будто для них это ничего и не значило.

Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Нет. Я не могу позволить этому повториться. Не могу снова стать той покорной тенью, которая молча наблюдает, как вокруг неё уничтожают последние проблески человеческого тепла.

«Особый заказ»... Может, в этом статусе есть какая-то призрачная защита? Хрупкая, но всё же. Или это просто другая форма клетки?

Гораций, видя, что я замолчала, снова уставился в свою щель. Разговор был исчерпан. Но семя было посажено. Я смотрела на грубые доски кареты, на спину кучера, видневшуюся впереди, меж щелей, и тихо, про себя, давала обещание. Не только себе. Марте, Лоре, Додо. Всем тем, чьи имена стёрлись из памяти, но чья боль осталась со мной.

На этот раз всё будет иначе. Если я и войду в эти ворота, то не как жертва. И первым шагом будет выжить. Во что бы то ни стало.

Глава 3

На десятый день, ближе к полудню, карета резко качнулась, съехав с относительно ровного полотна королевского тракта на узкую, ухабистую колею, ведущую в горы.

Звук изменился: глухой гул колёс по камню сменился скрипом и чавканьем по размокшей от вечных туманов земле. Воздух, пробивавшийся сквозь щели, стал резко холоднее, с терпким ароматом хвои и мха. Я прильнула к своей щели. За окном поплыли высокие, почти черные от тени сосны, чьи вершины терялись в низкой пелене облаков. Крайне угрюмый и крайне подавляющий пейзаж.

Ещё день, максимум два — и из-за очередного скалистого выступа покажутся зубчатые стены Моренвиль-Холда, впивающиеся в вечно свинцовое небо этих мест.

Предвкушение сжало желудок. Знания, которые я тащила на себе все эти дни, как мешок с камнями, превратилось в неподъёмную глыбу. Я знала слишком много и слишком мало одновременно. Да, я помнила расписание, но не помнила паролей к потайным дверям. Помнила лица слуг, но не знала, кому из них можно доверять (если кому-то вообще).

Не получилось бы так, что я укорочу себе жизнь лишней выходкой?

Последнюю ночь перед финальным рывком к замку мы провели на небольшой поляне у подножия перевала. Гора-

ций и кучер, молчаливый Бартоломью, как я услышала по обрывкам разговоров, разбили походную палатку. Меня, как обычно, заперли в «карете».

Я не спала. Сидя, обхватив колени, в крошечной тьме, я слушала, как за тонкой деревянной стенкой, Гораций храпит ровно и громко, а Бартоломью изредка покашливает. Запах костра, на котором они варили похлёбку, давно выветрился, остался только сырой холод горной ночи, пробивавшийся сквозь все щели.

Родители. Что они делают сейчас? Сидят ли в своём огромном, холодном, почти пустом зале, в молчании, которое гуще любого разговора? Мать, наверное, шьёт что-то, машинально втыкая иглу, её глаза пусты. Отец, возможно, пытается читать отчёты, но буквы расплываются перед ним. И думают они обо мне.

Сожалеют ли, гложет ли их тот самый стыд, что я видела в глазах матери? Или их уже целиком поглотила борьба за выживание тех, кого они выбрали вместо меня — за распределение первых мешков зерна, обещанных Моренвилем, за организацию похорон новых жертв чумы? Предали ли они меня уже в своих мыслях, как предали на деле, ради спасения хоть чего-то от крушения? Я уже никогда не узнаю.

Под утро, когда серый свет начал пробиваться сквозь щели, я наконец задремала сидя, разбуженная резким окриком Горация и звуком сворачиваемой палатки.

Утром, когда карета, преодолев последний, самый кру-

той подъем, наконец остановилась с глухим стуком, а сопровождающий, не церемонясь, грубо распахнул дверь, впуская внутрь порыв ледяного горного ветра, я уже была готова. Вернее, насколько вообще можно быть готовой к этому.

Медленно, с показным спокойствием, я аккуратно сложила магический платок, ощущая под пальцами тонкую ткань и слабое, едва заметное покалывание защитных чар. А потом сунула его в глубокий карман своего платья.

— Выходи. Не задерживайся, — буркнул Гораций, отступая на шаг. Подзатыльника не будет? Значит, по мелочи, я уже меняла свой «сюжет»?

Я выглянула, потом выбралась наружу. Передо мной, как кошмар, ставший явью, высился он.

Замок Моренвиль-Холд.

Неприступная громада тёмно-серого, почти чёрного камня, вросшая в скалу. Узкие, высокие окна-бойницы смотрели на мир с немым презрением. Крутые, покрытые скользким мхом ступени вели к массивным дубовым воротам, окоченным чёрным железом. Тишина, царившая вокруг, была не мирной сельской тишиной, а зловещей, приглушённой, будто само место, вся эта гора и замок на ней, затаили дыхание, выжидая. Даже ветер, обычно свистящий в ущельях, здесь стихал, обтекая стены почти беззвучно.

На крыльце, у массивных дверей, никого не было. Ни управляющего в строгом костюме, ни шеренги слуг. Только Гораций, указывающий жестом в сторону ступеней:

— Веди себя прилично. Жди молча.

Это сейчас было снисходительное предупреждение?

Я моргнула. И тогда, словно материализовавшись из самой тени, на верхней ступени показался он. Граф Моренвиль. Велиар. Черные длинные волосы, длинной чуть ниже плеч, мертвенно бледная кожа. Он стоял, небрежно прислонившись к косяку, в простом, но безупречно сидящем тёмно-сером камзоле, без кружев, без украшений. Руки спрятаны за спиной. Он не спускался встречать, не делал ни шага навстречу. Он просто наблюдал. Сверху вниз.

Взгляд алых глаз, тот самый, холодный и оценивающий, скользнул по мне с ног до головы, медленно, не упуская ни одной детали моего потрёпанного дорогой платья, спутанных волос, бледного от усталости лица.

В прошлый раз в этот момент он, не меняя выражения, бросил через плечо управляющему, вышедшему из дома: «Примите её, обустройте в восточном крыле». И даже не посмотрел, как меня уводят.

— Вы не поздороваетесь? — крикнула я, выпуская изо рта облачко пара.

«Что я творю?» — вопрос мелькнул в голове сразу после. Но почему-то мне хотелось сделать именно так. Показать, что я тут, существую. Чтобы заметил.

Его губы тронула едва уловимая, ничего не значащая улыбка. Мужчина медленно выпрямился.

— Леди Элис, — его голос, низкий и бархатистый, донёс-

ся до меня совершенно чётко, несмотря на расстояние и шум ветра. — Какое... долгое путешествие. Я начал беспокоиться.

Вы, сударь? Беспокоиться? Обо мне? Как же. Я скорее поверю в то, что император лично явился к моему отцу и выдал лекарство от всех болезней.

— Войдите, прошу вас. Вы должны были устать. — Он сделал лёгкий, приглашающий жест рукой, но сам не сдвинулся с места, продолжая блокировать собой дверной проём.

Я тоже не двинулась с места.

Горный ветер трепал полы моего платья, забирался под ткань, заставляя ёжиться. Но я стояла, глядя на него снизу вверх. Этот взгляд, этот тон... всё было не так как тогда...

— Ваша светлость, — начала я, заставляя голос звучать ровно, почти почтительно, но без подобострастия. — Прежде чем переступить этот порог, мне бы хотелось удостовериться в том, что договорённости, достигнутые с моим отцом... в силе? Зерно для Айронвейла, как и лекарство, уже отправлено?

Вопрос повис в воздухе. Гораций за моей спиной замер, я почувствовала, как его внимание стало острым, протыкая меня насквозь неозвученными словами: «Замолкни, дура»

Сама знаю, что дура, раз раскрыла рот. Но уже поздно.

Велиар медленно опустил руку. Его улыбка не исчезла, но в ней появилась новая глубина — не насмешка, а что-то вроде... удовлетворённого любопытства.

— Прямо к делу? — он мягко покачал головой. — Прагматично. Неожиданно. Я ценю это качество. Отвечу столь же прямо: первый обоз с зерном и медикаментами покинул мои хранилища три дня назад. Ваши родители должны получить его в течение недели. Остальное — по графику, оговорённому в контракте.

В этом была его сила и слава — он всегда выполнял условия предложенной сделки. Безупречно. Пока ты была полезной его частью.

— Благодарю вас за ясность, — кивнула я, делая шаг вперёд. Камень ступеней был холодным и шершавым даже сквозь тонкую подошву башмаков. — Тогда я готова войти.

Я поднялась по ступеням, чувствуя, как его взгляд следует за каждым моим движением.

«Чего так пристально?» — мелькнула мысль.

Когда я оказалась на одной площадке с ним, на расстоянии вытянутой руки, запах ударил в нос. Тот самый, знакомый до тошноты: смесь дорогого сандалового масла, старого пергамента и той сладковатой, металлической ноты, которую я никогда не могла точно определить, но теперь, зная, что передо мной вампир, еще и чистокровный, я распознавала в нем запах крови.

Он отступил на полшага, наконец-то открывая проход, и жестом пригласил меня внутрь.

— Добро пожаловать в Моренвиль-Холд, леди Элис, — произнёс мужчина приторно сладко, — Надеюсь, ваше пре-

бывание здесь окажется... плодотворным.

Я переступила порог.

Тяжёлая дверь с глухим стуком захлопнулась за моей спиной, отрезая последнюю связь с внешним миром. Полумрак холла поглотил меня. Воздух внутри был ещё холоднее, чем снаружи, и неподвижным, как в склепе.

Он шёл рядом.

— Элрик, — позвал вампир, не повышая голоса.

Из боковой арки, словно из самой стены, возник старик в строгом ливрейном камзоле. Лицо испещрено морщинами, один глаз смотрел чуть мутновато.

Камердинер. Элрик. Глуховат на правое ухо.

— Проводи леди Элис в её покои. В восточном крыле, — сказал Велиар, потом его взгляд снова вернулся ко мне. — Комнаты подготовлены. Надеюсь, они вам понравятся. Отдохните с дороги. Завтра... мы побеседуем подробнее.

Он кивнул, повернулся и растворился в воздухе. Его тёмная фигура слилась с тенями так быстро, что я и глазом моргнуть не успела.

Элрик молча поклонился и жестом указал направление.

— Пожалуйте, миледи.

Вздох.

Я пошла за ним, сердце колотилось где-то в горле. Он не сказал «примите её». Он сказал «проводите леди Элис». И добавил «надеюсь, они вам понравятся». И этот взгляд... очень странно. Слишком... разнилось с тем, что было при

первой встрече. Возможно ли, что тогда я была слишком напугана и не вызвала у него должного интереса, когда как сейчас первой открыла рот? Быть такого не может.

Элрик шёл впереди, походка была шаркающей, но уверенной. Он не оглядывался, не пытался заговорить. Мы миновали огромный, пустой холл с готическими сводами, где наши шаги отдавались многократным эхом, и свернули в длинный, слабо освещённый коридор.

Свет проникал сквозь редкие узкие окна, забранные железными решётками, и ложился на каменный пол пыльными полосами.

Я шла, стараясь дышать ровно, и впитывала каждую деталь. Вот та самая потертая каменная плита с трещиной, о которую я споткнулась в первый же день, в качестве прислуги, уронив поднос. Вот мраморная ваза на постаменте — пустая, покрытая тонким слоем пыли. В прошлый раз в ней стояли засохшие ветки. Всё было так же, и в то же время — совершенно иначе. Потому что я смотрела на это другими глазами.

Мы поднялись по широкой, но крутой лестнице, прошли через галерею с портретами предков Моренвилей. Я невольно задержала взгляд на одном из них — мужчине в доспехах, очень похожем на Велиара, но с более жестоким изгибом губ.

Элрик, заметив мою задержку, лишь тихо кашлянул, давая понять, что нужно идти дальше.

Наконец мы остановились у высоких двустворчатых две-

рей из тёмного дерева. Старик достал из складок одежды большой железный ключ, вставил его в замочную скважину и повернул. Замок щёлкнул.

— Ваши покои, миледи, — произнёс он, отворяя дверь.
— Ужин принесут через час. Если потребуется что-то ещё...
— он сделал паузу, и его единственный зрячий глаз скользнул по моему лицу, — ...стукните в дверь. Кто-нибудь да услышит.

— Спасибо...

Он отступил, склонив голову в почтительном, но совершенно пустом поклоне, и удалился.

«А что-то не меняется...» — подумала я, вошла внутрь и закрыла дверь за собой.

«Надолго ли...»

Арт. Глава 3

Глава 4

Окно выходило во внутренний двор замка — замкнутое пространство, заросшее каким-то чахлым кустарником, с фонтаном в центре, который давно не работал, но его должны были починить к будущей весне. За высокими стенами виднелись лишь вершины сосен и свинцовое небо. Никакого выхода. Никакого вида на свободу.

Я обернулась, встав к нему спиной, и осматривая комнату. Комната была именно такой, как я помнила. Большая, даже слишком большая для одной девушки. Высокий потолок с лепниной, огромное резное деревянное ложе с балдахином из тяжёлого тёмно-бордового бархата. Камин из чёрного мрамора, в котором уже потрескивали дрова, отбрасывая на стены тревожные, пляшущие тени. Ковёр на полу, столик у окна, туалетный столик с зеркалом в позолоченной раме. Всё богато, всё мрачно, всё дышало холодным, безжизненным великолепием этого места.

Ровно таким мое заключение было до того, как я попала в его немилость. Как променяла роскошные хоромы на коморку для прислуги.

Я подошла к кровати и села на край, ощущая, как дрожь, сдерживаемая всё это время, наконец начинает пробиваться наружу. Я только что говорила с вампиром. С существом, которое пило кровь и обладало силой, превосходящей чело-

веческую. Более того... убийцу! Своего убийцу!

«Плодотворным», — сказал он о моём пребывании. Что это значило? Что он увидел во мне? Просто более стойкую игрушку, которая дольше продержится? Или что-то ещё?

Я вспомнила его алые глаза, пристально изучавшие меня. В прошлой жизни он смотрел на меня так прямо лишь однажды — в ту самую последнюю ночь, перед тем как... Нет. Тогда в его взгляде была лишь холодная решимость, удовлетворение от завершения долгого эксперимента. Сегодня же было что-то иное. Любопытство. Почти... признание.

Мне показалось? Или...

— Я изменила начало, — сказала я в тишину.

У меня был план? Нет. А нужен бы.

Снаружи послышался тихий стук в дверь.

— Миледи, ужин, — донёсся женский, но знакомый мне голос.

Я быстро поправила платье и сделала глубокий вдох.

— Войдите, — сказала я спокойно, почти властно.

Дверь открылась беззвучно, на хорошо смазанных петлях. На пороге стояла девушка лет восемнадцати, в простом, но чистом сером платье и белом переднике. На подносе в её руках дымились миска с похлёбкой, лежал ломоть тёмного хлеба и стоял кувшин с водой. Её лицо было круглым, с румянцем на щеках, а карие глаза смотрели на пол, избегая встречи с моими.

— Прошу прощения за беспокойство, миледи, — прого-

ворила она, голосом чуть выше шёпота. — Я Марта. Мне велено прислуживать вам.

Марта. Имя ударило в сердце тёплой, болезненной волной. Весёлая, вечно голодная Марта, которая умела раздобыть лишний кусок сыра и знала все сплетни в замке. Та Марта, которую позже обвинили в краже и...

Я сглотнула, заставляя себя сохранять спокойствие. Я ее знаю, но она со мной еще не знакома.

— Спасибо, Марта, — сказала я, кивком указывая на столик у камина. — Поставь, пожалуйста, туда.

Она быстро, почти шаркая, пересекла комнату и аккуратно поставила поднос. Потом замерла в нерешительности, глядя на свои грубые башмаки.

— Что-нибудь ещё прикажете, миледи?

Я подошла ближе, стараясь, чтобы моё выражение лица было нейтральным, но не слишком холодным. Или теплым. Ее бы это оттолкнуло.

— Да. Расскажи мне, пожалуйста, что здесь принято. Распорядок дня.

— Распорядок д-дня?

— Да. Когда завтрак? Когда можно... прогуляться по двору? И можно ли. Наверняка, тебе уже все рассказали и просили передать.

Я помнила, что она частенько витала в облаках. За что ее и наказывали. Потому и подтолкнула разговор в нужное русло.

Девушка украдкой взглянула на меня, удивлённая вопро-

сами. Ожидала ли она истерики? Молчаливых слёз? Моё спокойствие, видимо, сбивало её с толку.

— За-завтрак приносят в восьмом часу, миледи, — затараторила она. — Обед в первом, ужин — в седьмом. Гулять... — она замялась, — во внутреннем дворе можно, когда пожелаете. Только... только в сопровождении. И не везде. Западный сад и библиотечное крыло... туда без особого приглашения его светлости нельзя.

Я кивнула, запоминая. Всё так же, как и было прежде. Значит, «тут» ничего не изменилось.

— А его светлость? Когда он обычно принимает... гостей? — я сделала паузу на слове «гостей», давая понять, что понимаю всю условность этого термина.

Марта снова опустила глаза.

— Его светлость часто занят до полудня. Принимает он обычно в библиотеке после обеда. Но... но он сам назначает время, если пожелает кого-то видеть.

— Понятно.

— Ч-Что-то еще?

Пока достаточно было и этого. Не хочу злоупотреблять ее болтливостью и ненароком отправить ее в немилость.

— Нет, спасибо, Марта. Это всё. Я оставлю тарелку снаружи. А потом лягу спать, так что не беспокойся.

Она почтительно поклонилась и направилась к двери. На пороге обернулась.

— Миледи... — её голос дрогнул. — Если что... если что-

то будет нужно, просто позовите. Я... я буду неподалёку.

Бедолага была так напугана, что дрожала вдобавок всем телом.

— Я буду иметь в виду, — мягко добавила я.

Дверь закрылась. Я осталась одна с дымящейся похлёбкой, запах которой был таким родным. Но не была голодна, чтобы накинуться сразу. Напряжение от пути скрутили желудок в тугой узел.

Я встала у камина, что зажгли совсем недавно. Видно, прямо перед моим приездом. Пламя отбрасывало длинные тени. Я вспомнила, как однажды, уже будучи в немилости, я украдкой грела озябшие руки у камина в гостинной, где граф вскоре должен был принимать гостя, пока старшая горничная не застала меня и не доложила управляющему. Тогда последовало наказание — лишение ужина и дополнительная работа. Мелочь в сравнении с тем, что было потом, но запомнившаяся унижением.

«Роскошные хоромы на комнату для прислуги», — пронеслось в голове. Да, этот путь мне известен. Путь постепенного падения, стирания личности, превращения из «особого заказа» в расходный материал. Я не могу позволить этому повториться. Но как? Открытое неповиновение приведёт к быстрому краху. Слепая покорность — к медленной гибели.

Нужен был третий путь.

Показать себя не просто упрямой, а полезной? Мыслящей? Но какую пользу я могла принести древнему вампиру,

владеющему замком и, судя по всему, магией?

Ответа не было. По крайней мере, сейчас.

Я вернулась к столу и насильно сделала несколько глотков похлёбки. Она была пресной, как и всегда. Прежде мы таскали соль с кухни, добавляя вкуса, а Додо ворчала, что соли там и без того достаточно.

Горячее тепло разлилось по телу, отгоняя ледяную дрожь. Я отломил кусок хлеба и отправила его в рот следом. Нужно было сохранять силы.

Закончив с едой, я подошла к окну. На дворе уже совсем стемнело. Внутренний двор поглотила тьма, лишь где-то вдалеке мерцал одинокий фонарь у ворот. Небо было чёрным, без звёзд.

Я оставила посуду снаружи, потушила свечи, оставив гореть только камин, и легла на огромную кровать.

Бархат балдахина нависал тёмным, угрожающим пологом.
— Тихо...

Ночные звуки замка. Где-то скрипнула половица. Пробежал, наверное, мышонок. Ветер завыл в какой-то далёкой трубе, звук похож на чей-то подавленный стон.

Я закрыла глаза, пытаюсь унять бешеный стук сердца. Страх был, он заполнял всё существо, холодный и липкий. Но под ним, глубже, тлела искра чего-то другого. Не надежды. Слишком рано для надежды. Скорее, ожесточённой решимости. Я уже умерла однажды в этих стенах. Второй раз я умру иначе. Или не умру вовсе.

С этим последней мыслью, на грани между бодрствованием и забытьём, я наконец провалилась в беспокойный, полный обрывков прошлого сон.

Арт. Глава 4

Глава 5

Сон не дал забыться, а вытащил на поверхность самое тёмное, самое пережёванное памятью и всё ещё болезненное.

Тогда, в первую жизнь, это случилось не сразу. Прошло несколько недель, прежде чем, каждый скрип двери начал заставлять вздрагивать, а каждый его взгляд в мою сторону — леденеть.

Без стука. Он вошёл так же бесшумно, как тень. Я сидела у потухающего камина, закутавшись в плед, и читала какую-то скучнейшую книгу, название которой не упомяну, но которую мне велели изучить.

Когда я подняла глаза и увидела его, стоящего на пороге, та выпала у меня из рук с глухим стуком.

Велиар. Был в тёмном халате, чёрные волосы распущены. В полумраке комнаты его алые глаза светились, как угли. Он не сказал ни слова. Просто смотрел. А потом медленно, не спеша, стал приближаться.

— Ваша светлость... — прошептала я, вскакивая с места, сердце колотилось так, что, казалось, вырвется из груди. Инстинктивно я отступила назад, к стене. — Я... я не...

— Не шуми, — сказал он холодно, — Ты ведь знаешь, зачем ты здесь. Так почему продолжаешь противиться? Прошлого раза было недостаточно, чтобы понять, где твое место? Раздражает.

— Пожалуйста... — сорвалось с моих губ, детский, беспомощный шёпот.

Я проснулась с тихим, подавленным стоном, вцепившись в простыни. Рука инстинктивно потянулась к шее, к тому месту, где должна была быть старая, невидимая шрама-память. Кожа была гладкой, целой. Но память о боли была настолько живой, что казалось, я чувствую её прямо сейчас.

Я села в кровати, дрожа, обхватив себя руками. Камин давно потух, в комнате стоял предрассветный холод, пробирающий до костей.

Он придёт снова. Рано или поздно. Может, не сегодня, может, не завтра. Но он придёт. И на этот раз... на этот раз всё может быть иначе? Я изменила начало. Я бросила вызов. Я заставила его увидеть во мне не просто сосуд для крови, не просто тело для утех, а личность. Но изменило ли это что-то в его... аппетитах? В его природе? Нет.

Рассвет медленно разгонял тьму за окном. Я встала с кровати, подошла к кувшину и умыла лицо. Холодная вода немного прояснила мысли. В зеркале на меня смотрело еще более бледное, с тёмными кругами под глазами лицо.

Когда в восемь часов постучала Марта с завтраком, я была уже одета в заранее подготовленное на кресле платье, и собрана.

— Доброе утро, миледи, — сказала она.

— Доброе утро, Марта. Спасибо. — Я взглянула на поднос. Овсяная каша, яйцо, чай. — Скажи, пожалуйста, обыч-

но... его светлость... он предупреждает, когда планирует навестить? — вопрос вырвался почти против моей воли, продиктованный ночным кошмаром.

Девушка замерла, её глаза округлились. Она поняла, о чём я. Хорошо. Не придется произносить вслух.

— Н-нет, миледи, — прошептала она, опуская взгляд. — Он... он не предупреждает. Но... — она сделала паузу, словно борясь с собой, — ...но обычно, если он планирует... визит с добрым намерением (смешно просто, будто такое бывает)... вечером приносят вино. Особое. С травами. Оно... помогает уснуть. И не так больно.

Новая информация. «Особое вино». Усыпляющее или обезболивающее? Подходит. Чтобы скот не брыкался.

Не припомню, чтобы в прошлом мне такое давали. А может... память не так уж хороша? Или я не удостоена чести? Запуганного мышонка приятнее ловить, чем того, кто идет прямо в пасть.

— Я поняла, — сказала я ровно, хотя внутри всё сжалось. — Спасибо, Марта. Это всё.

Она ушла, а я осталась, медленно съела завтрак, заставляя каждую ложку каши пройти через ком в горле. Потом подошла к окну. Входит в привычку. Единственное развлечение в данный момент.

День выдался пасмурным, серым. Внутренний двор был пуст.

Я глубоко вдохнула, расправила плечи.

— Соберись... В прошлый раз его сместила твоя пугливость... сейчас же ты уже показала, что не боишься. Так чего трясешься так? — говорила я сама с собой, пытаюсь успокоиться.

Разум пытался навязать логическое объяснение происходящему. Он нашептывал, что страх — это всего лишь приправа, что он меняет вкус жертвы, делая его более острым, более интересным для такого гурмана, как граф. Но эти доводы были эфемерны, они рассыпались, едва родившись. Мой разум, эта предательская память, помнившая каждую прожитую боль и каждое унижение куда лучше тела, отказывалось слушать голос рассудка.

Внезапный стук в дверь заставил меня вздрогнуть всем телом. Не время для завтрака. Он уже прошел. Слишком рано для Элрика. Сердце ёкнуло, дико застучав в груди.

«Он? Уже? Я настолько поторопила события? Нет. Я еще не готова!»

Руки машинально закрыли грудь, брови сошлись на переносице.

— Войдите, — выдавила я хрипло.

Дверь открылась, но на пороге стояла не тёмная фигура графа, а всё та же Марта.

— Простите, что беспокою снова, миледи, — затараторила она, почти вбегая в комнату и тут же притворяя дверь за своей спиной, словно боялась, что за ней кто-то подсматривает. — Управляющий... он велел немедленно передать.

Новое платье. Для... — она сглотнула, — для сегодняшней встречи с его светлостью.

Я медленно выдохнула, ощущая, как ледяная волна страха отступает. Логично, я ведь только прибыла. И что я запаниковала?

Марта, избегая моего взгляда, развернула ткань. Платье было сшито из густого, глубокого тёмно-синего бархата, самого простого, почти строгого кроя, но материал говорил сам за себя — дорогой, тяжелый, с благородным матовым блеском. Ни рюшей, ни кружев, ни вышивки. Ничего лишнего, ничего, что могло бы отвлекать внимание. Оно было сдержанным, практичным, почти как... униформа. Знак принадлежности к определённомu, неведомомu мне пока статусу.

— Его светлость велел передать, что ожидает вас в Зимнем саду в час дня, — прошептала девушка, избегая моего взгляда.

— Хорошо, — сказала я, беря платье в руки. — Поможешь мне облачиться?

Пока девушка, ловко орудуя пальцами, застёгивала на мне бесчисленные крохотные пуговицы сзади, я отметила, как безупречно платье сидело, будто снимали мерки непосредственно с меня.

— Марта, — тихо начала я, когда она завозилась со шнуровкой на спине. — Ты давно здесь служишь?

Она вздрогнула.

— Три года, миледи.

— И... за это время много таких, как я, ты видела? Гостей... или тех, кого сюда привозят?

Её пальцы замерли на секунду. Затем движение возобновилось, но стало резче, порывистее, будто она хотела поскорее закончить.

— Некоторые... да, приезжали, — она выбрала слова с видимым трудом. — Обычно ненадолго.

«Ненадолго». Многозначительное и пугающее слово.

Я лишь кивнула, понимая, что сейчас не время и не место для настойчивых расспросов. Но один вопрос, самый главный, горел у меня на языке, не давая покоя.

— А вино... то самое, «особое вино»... его всем дают? Перед... подобными визитами?

Марта снова замолчала. Когда она наконец заговорила, её голос был едва слышным шелестом.

— Не всем, миледи. Только тем... кого его светлость не желает видеть особенно бодрыми и восприимчивыми. Или... — она сделала паузу, — или тем, кто слишком громко шумит, слишком много плачет или задаёт вопросы. Чтобы успокоить. — Ещё одна пауза, более долгая. — Вам сегодня утром не приносили?

— Нет, — ответила я с странной долей облегчения.

— Значит... — Марта резко, с каким-то отчаянным усилием дотянула шнуровку до конца и сделала последний узел, отступая на шаг, — ...значит, его светлость намерен видеть вас сегодня в полном, ясном сознании.

Когда дверь за служанкой тихо закрылась, я села и стала ждать.

Минуты тянулись мучительно медленно. Я пыталась представить себе Зимний сад. Помнила смутно — большое, застеклённое помещение на южной стороне замка, где даже в холода сохранялись какие-то вечнозелёные растения. Место уединённое, тихое. Идеальное для приватного разговора. Или для чего-то ещё.

Ровно без десяти час раздался стук. На пороге стоял Элрик.

— Его светлость ожидает вас в Зимнем саду, миледи. Пожалуйста за мной, — произнёс он бесцветным, отточенным временем голосом.

Я поднялась. Ноги были ватными, но держали. Сделав глубокий, успокаивающий вдох, который, впрочем, совсем не успокоил бешеный стук сердца, я лишь кивнула в ответ, не доверяя своему голосу.

«Ну что ж... — пронеслось в голове последней, отчаянной мыслью. — С Богом!».

Глава 6

Я вошла.

Зимний сад оказался даже больше, чем я помнила. Высокий стеклянный купол пропускал серый, рассеянный свет пасмурного дня. Вокруг, в каменных кадках и на специальных террасах, росли папоротники, плющи, какие-то экзотические растения с толстыми, мясистыми листьями. В центре, среди этой искусственной зелени, стоял небольшой столик из светлого дерева и два кресла. И в одном из них сидел он.

Велиар Моренвиль. Он был одет в простую тёмную рубашку и штаны, что делало его вид менее торжественным, но от этого не менее внушающим. В руках он держал тонкую, почти прозрачную фарфоровую чашку.

Вампир не смотрел на меня, а наблюдал, как медленно растворяется кусочек тёмного, похожего на мёд вещества, плавающий по поверхности напитка.

— Леди Элис, — произнёс он наконец, не поднимая глаз. — Прошу, садитесь. Чай? Или вы предпочитаете что-то более... укрепляющее?

Я подошла и села в кресло напротив, стараясь держать спину прямо.

«Укрепляющее? Это твое волшебное вино? Нет-нет, спасибо, воздержусь!»

— Чай будет прекрасен, ваша светлость. Спасибо.

Он кивнул, поставил свою чашку и налил из серебряного чайника в другую, такую же изящную. Пар поднялся тонкой струйкой.

Мужчина протянул чашку мне.

— Жасминовый. С мёдом. Помогает успокоить нервы.

Себе успокой. Я спокойна.

Я взяла посудинку в руку, почувствовав исходящее от неё тепло.

— Благодарю, — сказала коротко, сделав маленький глоток. Напиток был действительно ароматным и сладким на вкус.

Вампир откинулся в кресле, сложив руки на коленях. Его алые глаза изучали меня через струйку пара.

— Вы хорошо выглядите, — заметил он неожиданно. — Этот цвет вам к лицу. Подчёркивает... аристократичность кожи.

Комплимент? Или очередная оценка товара? Я белее чашки.

— Вы очень любезны, — ответила я нейтрально.

— Любезность — роскошь, которую могут позволить себе лишь те, у кого есть время, — сказал он, — А время... у меня его в избытке. Что, как вы, наверное, уже поняли, является и благословением, и проклятием.

Мужчина сделал паузу, давая мне осмыслить его слова.

— Вы вчера говорили о соглашении. Давайте поговорим об этом подробнее. Детали обсуждались заранее, без вашего

участия, но мне вдруг стало любопытно, что конкретно вы понимаете под «взаимовыгодным»?

— А вы?

Мой встречный вопрос повис в тёплом, влажном воздухе сада.

Велиар не моргнул. Его алые глаза сузились на долю секунды, а потом в них вспыхнул тот самый интерес, который был при нашей «первой» встрече, вчера.

— Я? — он повторил мягко, отставив свою чашку. — Я понимаю под взаимовыгодным то, что обе стороны получают нечто, превышающее их изначальные затраты. В вашем случае, леди Элис, мои затраты очевидны, и прописаны в договоре: поставки зерна, провизии, лекарства. Взамен от вас: ваша свобода, ваша кровь, ваша жизнь в этих стенах. Что вы можете мне дать еще, что перевесит то, что у меня уже есть?

— Какой прок в сломанной кукле? — ответила я ему тем же вопросом, что когда-то задал он мне в прошлой жизни, — Плакать, рыдать, кричать. Это наскучит со временем. Договор, вещь такая, его можно в любой момент пересмотреть. И, если быть честной, — я сглотнула, стараясь не отвлекаться на его взгляд, исследующий меня, — Мне больше всего бы хотелось выжить. А потому... Я могу предложить вам только одно.

Я поставила чашку, села в пол оборота и уверенно установилась на вампира, выдав на одном дыхании:

— Вы женитесь на мне? — так прямо и быстро, что я сама

от себя не ожидала.

Вампир выждал секунду, а потом рассмеялся.

— Что? — переспросил тот, хотя я прекрасно знала, он меня услышал, — Жениться на вас? Разве у нас уже не заключен договор?

— Это другое. Я предлагаю вам... себя. Как есть.

Что я творю? Прямо в пасть хищника! Но... если он согласится. Если пойдет на уступку... я буду не просто «товаром» на полке. А той, кто займет равное место рядом с ним. И возможно... даст мне немного больше времени, чтобы найти способ остаться в живых.

В саду воцарилась тишина, настолько густая, что, казалось, можно было услышать, как растут листья орхидей. Его алые глаза, ещё секунду назад искрящиеся насмешкой, стали как два куска полированного граната. Он медленно, очень медленно поставил свою чашку на столик. Звук фарфора о дерево прозвучал невероятно громко в такой тишине.

— Вы предлагаете себя, — повторил он без тени удивления или гнева. — Как... супругу?

Он произнёс это слово с такой отстранённой чёткостью, будто пробовал его на вкус, как пробовал бы незнакомое вино. И находил его... странным.

— Да, — подтвердила я, не отводя взгляда, хотя внутри всё сжалось в ледяной ком. Я перешла Рубикон. Отступить было некуда. — Договор о поставках зерна — это сделка между моим отцом и вами. Он может быть расторгнут, оспо-

рен, забыт. Брак... это союз. Нерушимый. По крайней мере, в глазах церкви и закона. — Я говорила быстро, почти торопливо, выкладывая перед ним все карты, которые только что пришли мне в голову. — Сам факт брака меняет всё. И ваша выгода в том, что.... — сделала паузу, чтобы вдохнуть и выдохнуть, — Насколько мне известно, император больше прислушивается к вассалам, имеющим за душой какие-то ценности кроме боевых трофеев. Он человек семейный.

— Это... хитро. Очень хитро.

Вампир замолчал.

Я сидела, на всякий случай не дыша, ожидая вердикта. В голове проносились обрывки мыслей:

«Что я наделала? Он откажет. Он рассмеётся снова. Или разозлится. Убьет прямо здесь и сейчас... Или...»

— Допустим, — произнёс он наконец, — я рассмотрю это... предложение... И дам вам знать.

Отсрочка приведет к тому, что он будет думать. Мне не на руку.

— Бойтесь человеческой девушки? — я усмехнулась, — Может, я юна и наивна, но даже я знаю, что во всем Моренвиль-Холде нет оружия способного вас убить. Я рискую куда больше. К тому же... человеческий век гораздо короче. Если брак со мной, на условные... лет десять, поднимет вас в глазах императорского двора — это чего-то да стоит. А нет... Так что вы теряете?

Мои слова, брошенные как последний аргумент, прозвуч-

чали дерзко даже для моих собственных ушей. Я играла на его гордости, на его вечном, холодном расчёте. «Чего вы требуете?» — спрашивала существо, для которого десятилетие было мигом.

Велиар медленно повернулся. Его алые глаза, казалось, просчитывали варианты с нечеловеческой скоростью.

— Что я теряю? — повторил он тихо, — Возможность остаться в тени. Анонимность. Спокойствие. В самом деле, брак, даже фиктивный, с королевской кровью вытащит меня на свет. Придворные интриги, сплетни, внимание церкви... всё это хлопоты. Шум. — Он сделал чуть наклонился ко мне. — Вы предлагаете мне публичную демонстрацию. И всё ради чего? Ради того, чтобы дать вам иллюзию безопасности на... десять лет, как вы сказали?

— Не иллюзию, — возразила я, — Реальную, юридическую защиту. И не только мне. Вам. Вашему дому. Вы говорите о тени. Но тень не даёт влияния. Тень бояться, но её не уважают. А брак с королевской дочерью, даже из захудалого Айронвейла — это признание вашего статуса не просто как могущественного графа, а как части феодальной системы. Это даёт вам право голоса, право на законное наследование земель через... потенциальных детей. Разве это не стоит небольшого «шума»?

Я говорила, опираясь на смутные воспоминания о придворных интригах из прошлой жизни, на обрывки знаний, почерпнутых из книг в библиотеке.

Он слушал, не перебивая. Когда я закончила, вампир задумчиво провёл пальцем по подбородку.

— Вы мыслите как правитель, — констатировал он наконец. — Это... необычно. Для юной девушки. И, должен признать, заслуживает внимания. Но брак, даже по расчёту, требует фундамента. Доверия. Или, на худой конец, взаимного понимания природы друг друга. Вы готовы принять мою природу не как нечто отвратительное, а как часть условий договора? Готовы ли вы, леди Элис, стать графиней Моренвиль не только на бумаге, но и в реальности?

— Я готова обсудить условия. — ответила ему его же словами.

Он растянул губы в пугающей улыбке, ведь точно уже что-то решил в своей голове.

— Деловая. Мне нравится. — Он сделал наклонился через столик ко мне, сокращая дистанцию до минимума. — Начнём с аванса.

Я моргнула. Он оказался уже не передо мной, а надо мной, поставив колено между ног, поверх юбки так, что не давал мне встать. Его холодные пальцы легли на мою шею, не сжимая, а лишь обозначая точку контакта.

— Вы предлагаете союз, — прошептал он, — Так давайте скрепим наши намерения первой, добровольной каплей. Не как хищник и добыча. А как... будущие супруги, заключающие предварительное соглашение о взаимных обязательствах.

Я замерла. Всё внутри кричало от ужаса, от памяти о прошлой боли.

Я кивнула. Один раз. Чётко.

— Да.

С губ сорвался выдох.

Боль, когда она пришла, была острой, точной и... быстрой. Не было того животного ужаса, того чувства насильственного вторжения. Его губы едва коснулись кожи, точно поцелуй, а сам акт длился всего несколько секунд.

— Хорошо, — произнёс вампир, облизывая губы, — Чисто. Без страха. С полным пониманием последствий. Как и подобает будущей графине.

Дверь в мои покои закрылась с тихим щелчком. Я прислонилась к ней спиной, закрыла глаза и медленно сползла на пол. Колени подкосились, не в силах больше держать веса тела и тяжесть содеянного.

Что я наделала? Что я, в самом деле, наделала?

Замуж за него! За своего убийцу! Как я вообще додумалась до такого?

Я представила его лицо — прекрасное, холодное, нечеловеческое. Лицо того, кто в прошлой жизни медленно, методично высасывал из меня всё: кровь, волю, надежду. Кто смотрел на мои слёзы с холодным любопытством, а на моё сопротивление — с раздражением. Кто в конце концов отбросил меня, как высохшую тряпку, когда я перестала быть

интересной.

И я предложила этому существу стать его женой. Законной супругой. Делить с ним имя, кровь, ... черт побери, ложе.

Отвращение, острое и физическое, подкатило к горлу. Я сглотнула, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

Я продала душу.

Нет, хуже — я предложила её в обмен на иллюзию безопасности. На какие-то жалкие десять лет статуса, за которыми всё равно последует либо смерть, либо вечное рабство в новой форме.

«Надо было оставить всё как есть и жить как жила».

Но как я жила? В страхе. В унижении. В постепенном стирании себя. Я помнила каждый день той жизни: пустые глаза Марты, которая уже ничему не удивлялась; холодную ненависть гувернантки; леденящий ужас каждой ночи, когда дверь могла открыться. Я помнила, как слабела, как тускнел разум, как единственной мыслью стало желание, чтобы всё это поскорее кончилось.

Разве это — жизнь?

Я уткнулась лицом в колени, сжимая голову руками. Паника и отчаяние боролись внутри с холодными, безжалостными доводами рассудка. Рассудок, тот самый, что заставил меня выпалить это безумное предложение, теперь безжалостно анализировал.

Да, он был моим убийцей. Но в этой жизни он ещё ничего мне не сделал. Вернее, сделал — но по моей же, пусть и

вынужденной, воле. Это был акт договора, а не насилия. Я изменила правила. Я вступила с ним в переговоры, и он... принял их. Более того, он проявил уважение. Холодное, расчётливое, но уважение.

Брак. Безумие. Но в этом безумии был шанс. Не просто выжить, а получить власть. Знания. Силу. Статус, который защитит не только меня, но, возможно, и Марту, и других, кто окажется в этих стенах. Я могла стать не жертвой, а игроком. Пусть на его поле. Пусть по его правилам. Но игроком.

«А дети? — пронеслось в голове. — Ты подумала о детях?»

Я содрогнулась.

Дети от него... мысль была чудовищной.

Но... насколько мне известно — это маловероятно. Чистокровные редко рожают на свет дитя. А если и будет... что они будут? Монстрами? Или... моим шансом? Наследниками, которые свяжут наш дома навеки.

Я чуть не задохнулась от циничности собственных мыслей. Я уже думала о детях, как о «стратегическом активе». В этом замке я и сама быстро превращалась в монстра.

Стук в дверь заставил меня вздрогнуть. Я быстро встала, поправила платье, провела руками по лицу, смахивая несуществующие слёзы.

— Войдите.

Вошла Марта с ужином. Её взгляд сразу же упал на мою шею, и её глаза округлились, но она ничего не сказала, быст-

ро опустила взгляд, пересекла комнату, и поставила поднос на стол.

— Миледи...ваш ужин.

Глава 7

Прошло несколько дней. Они тянулись в странном, напряжённом ожидании. Я проводила время в библиотеке, погружаясь в древние фолианты, пытаюсь понять законы магии и природу существ, подобных Велиару. И это было единственное доступное мне развлечение.

По вечерам я возвращалась в свои покои, где Марта приносила ужин, избегая смотреть мне в глаза. Я видела, она чувствовала перемену, но боялась спросить.

На пятый день, ближе к полуночи, я сидела в кресле у почти потухшего камина, укутавшись в плед, и пыталась сосредоточиться на трактате о магических симбиозах. Мысли путались, текст расплывался перед глазами. Я уже собиралась отложить книгу и лечь спать, когда дверь в мои покои с оглушительным грохотом распахнулась.

Сердце остановилось, а потом забилось с такой бешеной силой, что в ушах зазвенело. Книга выпала у меня из рук и с глухим стуком упала на ковёр. Я инстинктивно соскочила с кресла, отпрыгнула назад и прижалась к стене, как загнанный зверёк.

В проёме, залитом тусклым светом коридорных факелов, стоял он. Все как тогда. Как в том сне.

Велиар. Чёрные шёлковые штаны, свободный тёмный халат нараспашку, обнажающий мраморную бледность груди.

Его чёрные волосы были растрёпаны, будто он только что встал с постели или готовился лечь в неё, когда ему пришла в голову безумная идея.

В полумраке комнаты его алые глаза горели, как два угля, смотря прямо на меня с каким-то едва ли понятным хищным задором.

— Ваша светлость? — мой голос сорвался на хриплый шёпот. Я почувствовала, как по спине побежали ледяные мурашки. — Вы... чего тут? В таком виде?

Он не ответил. Медленно, с почти ленивой грацией хищника, мужчина переступил порог. Дверь сама собой захлопнулась за его спиной с тихим зловещим щелчком.

Он шёл на меня, не сводя с меня своего горящего взгляда, а я, не в силах оторваться от него, пятилась, пока спиной не наткнулась на холодную каменную стену. Дальше отступать было некуда.

— Как что? — наконец произнёс вампир с странной, игривой ноткой, которую я никогда от него не слышала. Она была в тысячу раз страшнее его обычной холодности, потому что была непривычной, — Ведь мы супруги. Или почти. Как думаешь, какая твоя главная обязанность?

Он оказался передо мной в один миг. Я даже не успела понять, как он двинулся. Его холодные руки обхватили мою талию, прижали к себе с такой силой, что перехватило дыхание.

— Вы... чего? П-пустите! — вырвалось у меня, голос дро-

жал от паники и возмущения, а по щекам растекался жар.

— Не противься, пташечка, — прошептал он прямо у моего уха, — Я всё сделаю сам. Будет не больно. Совсем.

Его губы коснулись моей шеи, холодные, как лёд. Воспоминания хлынули лавиной — боль, унижение, чувство беспомощности. Сердце, казалось, выпрыгнуло из груди и замерло где-то в горле. В глазах потемнело.

Но вместе с паникой пришла по теле разлилась неведомая теплая волна, растекающаяся по всему телу.

Я резко мотнула головой и, к собственному удивлению, нашла в себе силы упереться ладонями в его ледяную, твёрдую как камень грудь. Оттолкнулась изо всех сил, но вампир даже не пошатнулся, хоть его хватка на мгновение и ослабла.

— Мы же ещё не настоящие супруги! — выкрикнула я, задыхаясь от возмущения.

Он отстранился на несколько дюймов, наклонил голову набок, рассматривая меня с выражением то ли искреннего удивления, то ли притворного разочарования. Алые глаза сузились.

— Как так? — спросил мужчина, игривость из его голоса почти исчезла, сменившись любопытством.

— А как же свадьба? — я почти выплюнула слова, всё ещё прижатая к нему, чувствуя, как дрожь пробирается через всё тело, — Обручальные кольца? Церемония? Благословение? Или вампиры так мелочны, что не могут устроить для своей будущей супруги хоть какое-то подобие торжества? Просто

вломиться к ней ночью, как... как в публичный дом!

Грубо.

Я замерла, ожидая пощечину за дерзость, но Велиар не разозлился. Он отступил ещё на шаг, полностью отпустив меня. Лицо стало задумчивым.

Он провёл рукой по подбородку, взгляд скользнул по моему перекошенному от эмоций лицу, по сжатым в кулаки дрожащим рукам, по платью, которое я инстинктивно поправила.

— Торжество, — повторил он наконец, — Так ты... хочешь свадьбу. Со всеми атрибутами. Платье, гости, клятвы перед лицом богов, в которых я не верю?

— А как иначе? Не только я должна принимать вас, как есть, но и вы! Это же договор! — Голос постепенно возвращал твёрдость. — Я хочу, чтобы все знали, что я — графиня Моренвиль по праву, а не по милости ночного визита. Чтобы мой статус нельзя было оспорить. Разве это не в ваших интересах? Или вы предпочитаете, чтобы вашу жену считали наложницей?

Он смотрел на меня долго, молча. Потом медленно кивнул.

— Ты права. Формальности имеют значение. Особенно для людей. — Он сделал паузу. — Хорошо. Будет тебе твоя свадьба. Со всеми полагающимися... церемониями. Хоть завтра.

— Завтра? — вылетело с писком. Нет, это, пожалуй, ско-

ренько даже слишком. — А как же платье? Или мне выходить к алтарю в чем попало? А как же традиции Айронвейла? — никаких у нас особенных не было, но мне надо было зацепиться хоть за что-то.

— Что за традиции? — спросил вампир.

Я заговорила быстро, почти не думая, выхватывая из памяти обрывки свадебных обычаев, которые видела или о которых читала. Главное было — выиграть время.

— Старое — это что-то из семьи невесты, символ прошлого. Новое — подарок жениха, символ будущего. А артефакт... — я замаялась, — ...это что-то волшебное, что должно защитить наш союз. Его нужно... добыть. Женихом. Лично. И только после личного знакомства, так что не подойдет что-то просто любое из уже имеющихся сокровищ!

Последнее я добавила с особой торжественностью, надеясь, что это звучало как серьёзный, древний ритуал, а не как отчаянная выдумка напуганной девушки.

Велиар слушал, не перебивая. Когда я закончила, он поднял бровь.

— «Добыть артефакт», — повторил он медленно. — Лично. Интересный обычай. И что же это за артефакт должен быть, по традициям Айронвейла?

Я почувствовала, как подступает паника. Нужно было назвать что-то конкретное, но не невозможное. Что-то, что заставило бы его уйти, потратить время, но не вызвало бы немедленного подозрения в обмане.

— Цветок лунного камня, — выпалила я первое, что пришло в голову, вспоминая сказки няни. — Он растёт только в лунном свете, в самых глухих частях Леса Теней. Его лепестки... светятся, как перламутр, и хранят силу лунного света. Он должен быть сорван в ночь перед свадьбой женихом собственноручно, чтобы принести в дом удачу и... и отогнать злых духов.

Я замолчала, ожидая его реакции. Всё это была чистой воды чепуха, состряпанная на ходу из детских страшилок и романтических баллад. «Лес Теней» — это мрачное, опасное место даже днём, а уж ночью... Но именно поэтому это могло сработать, задеть его гордость или хотя бы развлечь его.

Уголки его губ дрогнули в улыбке.

— Цветок лунного камня, — произнёс он, — в Лесу Теней. Сорванный в лунную ночь. — Он сделал паузу. — Я не слышал о таком обычае. Но... Айронвейл городок людей... А им свойственно поддаваться причудливым суевериям.

Он подошёл ближе. Его холодный палец приподнял мой подбородок, заставляя встретиться с его взглядом.

— Ты выдумываешь это, пташечка? Чтобы отсрочить неизбежное? Или это действительно твоё... свадебное желание?

Я заставила себя не отводить глаз, хотя внутри всё сжалось в комок.

— Это традиция, — сказала я твёрдо, вкладывая в голос всю убеждённость, на какую была способна. — Без него брак

не будет благословлён предками. Он будет... ущербным. Я не могу вступить в такой союз.

— Хорошо, — сказал он неожиданно, отпуская мой подбородок. — Пусть будет по-твоему. Я принесу тебе твой цветок. «Старое» и «новое» позаботься сама. Или дай указания Элрику. А что касается платья... — он оглядел меня с ног до головы, — ...оно будет готово. Ты получишь его вовремя. Только...

— Только? — переспросила я.

— Возьму аванс.

— Ка...

Я не успела договорить, холодные, твёрдые губы прижались к моим с такой силой, что у меня захватило дух. Его руки снова обхватили мою талию, прижимая к его ледяному, недвижимому телу. Во рту я почувствовала металлический привкус — его привкус, смешанный со сладковатым ароматом того самого мёда, что он добавлял в чай.

Застыла, ошеломлённая, не в силах пошевелиться. Вся моя дерзость, вся выстроенная защита из слов рухнула в одно мгновение. Он просто взял то, что хотел, хоть поцелуй длился недолго. Всего несколько ударов моего бешено колотящегося сердца.

Мужчина отстранился, оставив мои губы холодными и онемевшими.

— Аванс, — повторил он тихо, — За твоё... остроумие. И за будущие хлопоты с цветком.

Он провёл большим пальцем по моей нижней губе, и я невольно вздрогнула.

— До завтра, леди Элис. Или до послезавтра. В зависимости от того, как быстро я найду твой волшебный сорняк.

Глава 8

Утро. Я лежала в постели и смотрела в потолок. Волосы разбрелись по подушке. Пальцы сами потянулись к губам, ещё ощущая на них вчерашний поцелуй. Не жар, а странное, леденящее онемение, будто их коснулся кусочек зимы. Да, я ворочалась всю ночь, искренне пытаюсь уснуть, но перед глазами стояло его лицо — с той хищной, игривой улыбкой, с алой искоркой в глазах. И губы... холодные, твёрдые, безжалостные. Что были на моих...

Я заставила себя сесть. Солнечный свет, бледный и слабый, пробивался сквозь тяжёлые шторы. В нём не было утешения, только напоминание о том, что ночь сменилась днём, а он, Велиар, скорее всего, спал где-то в глухих покоях замка. Или уже отправился на поиски. Мысль о том, что он бродит по Лесу Теней в поисках выдуманного мной цветка, казалась одновременно нелепой и пугающей. А если он найдёт что-то похожее? А если не найдёт и вернётся разгневанным? А если... он уже всё понял и просто играет со мной, как кошка с мышью?

Стук в дверь.

— Войдите, — сказала я.

Вошел Элрик. Его бесстрастное лицо, как всегда, ничего не выражало. Он поклонился.

— Доброе утро, леди Элис. Его светлость поручил мне

передать, что он отбыл по делам. И что я должен оказать вам всяческое содействие в подготовке к... торжеству. — Он произнёс последнее слово с едва уловимой паузой, будто пробуя его на вкус, как и его хозяин.

Значит, он ушёл. Действительно ушёл. Облегчение, смешанное с новой порцией тревоги, волной накатило на меня.

— Спасибо, Элрик. Мне потребуется несколько вещей. Для... традиций.

Я перечислила ему то, что придумала: что-то «старое» — реликвия из Айронвейла, которую нужно было формально запросить у отца (я знала, что ответа, скорее всего, не будет, но это создавало видимость процесса). И «новое» — я попросила принести мне из замковой сокровищницы или купить в ближайшем городе что-нибудь из украшений. Не слишком дорогое, но изящное. Не надо было быть чрезмерно алчной, я, итак, тут на птичьих правах.

Элрик всё записал своим бесшумным, каллиграфическим почерком в маленькую книжечку, что носил везде и всюду в нагрудном кармашке на случай, если граф что-то прикажет, а он, не дай создатель, забудет.

— Будет исполнено, миледи. Что касается платья... Граф послал за портными в город еще утром. Они прибудут после полудня.

Ага. Прекрасно. Торопим события, да?

Я кивнула, соглашаясь.

После его ухода осталась одна.

— Э, нет! — тихо слетело с губ, — Нужно тянуть время... Чем больше, тем лучше. Придут после полудня, — я хмыкнула, — Значит... покажу, какая я привереда. Он хотел себе принцессу в невесту? Он её получит.

Время прошло быстро. Прибыло всего трое людей, хоть я и ждала целую армию: две женщины, несущие рулоны тканей и коробки с образцами, и пожилой мужчина с булавками в лацкане и мерной лентой на шее — главный закройщик. Я встретила их в парадной гостиной.

Их лица были вежливо-бесстрастны, но в глазах читалась настороженность. Они знали, для кого шьют. И, по всей видимости, что будет за неповиновение. Сильно давить не буду, но и сдаваться тоже не собираюсь.

— Добрый день, ваша светлость, — поклонился закройщик. — Мы принесли образцы и эскизы. Его светлость граф указал, что платье должно быть достойным будущей графини.

— Покажите, — сказала я, не вставая с кресла, и приняла вид скучающей аристократки, которую я когда-то наблюдала при дворе.

Они развернули передо мной первый рулон — тяжёлый атлас цвета слоновой кости, расшитый серебряными нитями. Дорого, роскошно, но безвкусно. Даже стараться не пришлось.

— Слишком тяжело, — отрезала я, даже не прикоснув-

шись. — Я буду в нём, как в доспехах. И серебро... оно холодное. Не подходит.

Закройщик кивнул, не моргнув глазом. Принесли следующий — голубой шёлк, воздушный, с вышивкой в виде звёзд.

— Голубой? Для свадьбы? Это цвет девичества, а не за мужества. И звёзды... банально. Следующий.

Так продолжалось больше часа. Я отвергла бархат («Собирает пыль и выглядит старомодно»), парчу («Слишком вычурно, я не идол в храме»), тончайший муслин («Непрактично, порвётся от первого же дуновения»). Я придиралась к оттенкам («Этот красный отдаёт коричневым, а этот — дешёвой краской»), к фактурам, к рисункам. Я требовала показать эскизы фасонов и находила в каждом изъян: то лиф слишком открыт, то рукава нелепы, то шлейф неподъёмно длинен.

— Но, миледи, — осторожно заметила одна из помощниц, — многие из этих фасонов сейчас в моде при императорском дворе...

— А я разве при императорском дворе? — холодно парировала я. Легкое ощущение, что они и не старались особо меня впечатлить. — Я буду графиней Моренвиль. Мне нужен фасон, который подчеркнёт достоинство, эксклюзивность, а не слепое следование моде. И ткань... — я томно провела рукой по очередному образцу, — ...должна быть особенной. Не просто шёлк. Что-нибудь с историей. Может, шёлк, вытканый мастерами из Восточных провинций? Или лён, вы-

беленный лунным светом? Вы же понимаете, о чём я.

Закройщик и его помощницы обменялись едва уловимыми взглядами. «Лён, выбеленный лунным светом» — это было уже за гранью разумного. Мне было почти смешно.

— Миледи, поиск такой особой ткани может занять... некоторое время, — сказал закройщик крайне неуверенно.

— У нас время есть, — сладко улыбнулась я. — Его светлость граф сам сказал, что торопиться некуда. Он... занят выполнением других свадебных традиций. — Я сделала многозначительную паузу, давая понять, что за моими капризами стоит воля самого графа. — Я хочу, чтобы всё было идеально. Ведь это событие — единственный раз в жизни. По крайней мере, в моей.

Моя последняя фраза, произнесённая с лёгкой, меланхолической ноткой, видимо, достигла цели. Они поклонились ещё ниже.

— Конечно, миледи. Мы... поищем. Принесём новые образцы. Возможно, через несколько дней.

— Через несколько дней? — я притворно огорчилась. — Ну что ж... если иначе нельзя. Главное — не спешить. Лучше подождать и получить шедевр, чем поспешить и надеть нечто... посредственное.

Когда они ушли, унося горы отвергнутых тканей, я позволила себе выдохнуть и слегка расслабить напряжённые плечи. Маленькая победа. Я выиграла как минимум несколько дней. А может, и неделю, если они действительно бросятся

искать «лён, выбеленный лунным светом».

Надо размяться.

Я встала и подошла к окну, наблюдая, как маленькая процессия портных с поклажей удаляется через внутренний двор к служебным воротам. Солнце уже клонилось к зубчатым стенам, отбрасывая длинные, искажённые тени.

Если подумать, в выигранном времени была своя неприятная горечь — оно было куплено ценой унижительного фарса, разыгранного мной. Я вела себя как капризная дурочка, и все в этом замке теперь это знали. Но что было альтернативой? Покорно принять первое же платье и ускорить час, когда я стану законной женой вампира? Нет. Это мне вообще не гарантирует «выжить».

В гостиную вошла горничная, подавая тихий голосок:

— Миледи, извольте в столовую. Подали чай.

Ушам не слышу! Лора!

Я медленно повернулась от окна. Она стояла в почтительном поклоне, не поднимая взгляда, но это все еще была моя Лора. Та самая тихая мышка Лора.

— Миледи, — повторила она, видя мое замешательство.

— А?

— Чай. Подан в малой столовой. Его светлость граф оставил указание, чтобы вы ни в чём не нуждались.

«Его светлость граф оставил указание».

Фыркнула я тихо, про себя, но, кажется, Лора это уловила. Её плечи подались вперёд едва заметным движением, будто

она приготовилась к удару. Но я не стала давать ей повода.

— Спасибо, — сказала я ровным, бесстрастным тоном, копируя интонации Элрика. — Я приду позже. Вы можете идти.

Неспешно прогулявшись по коридорам, я испила чай в столовой, порассматривала картины предков на стенах, прогулялась мимо кухни, где слышала голоса и смех, но остановила себя на пол пути за дверь, одергивая руку.

«Они меня не знают...»

Тихий выдох, а потом я пошла обратно «к себе».

В комнате меня ждала маленькая шкатулка из тёмного дерева. На столике у кровати. Её там не было, когда я уходила.

Сердце ёкнуло. Я подошла, не дыша. Шкатулка была не заперта. Внутри, на бархатной подушке, лежало кольцо. Не громоздкое и вычурное, как я ожидала от «нового» подарка, а довольно изящное. Тонкая серебряная цепочка с единственным подвеском — каплей лунного камня, обрамлённого тончайшим серебряным узором, напоминающим плющ.

Ни записки, ни объяснений. Только кольцо. «Новое». Он прислал его? Сам? Обойдя Элрика, мои просьбы о чём-то «не слишком дорогом». Или старик постарался?

Зловещая красота.

Арт. Глава 8

Глава 9

Ночью снова не спалось. Я натянула одеяло высоко, так, что только одни глаза и было видно, и пялилась в потолок.

Как он там?

Добыл ли цветок?

Голоден ли или сыт.

Стоп! Почему я вообще думаю о нем?

Я встряхнула головой, пытаюсь отогнать навязчивые мысли.

Он тот, кто меня убил. В прошлой жизни. Сжал горло, впился клыками, обескровил и сломал шею, оставил умирать в холодном кабинете. И даже его эта напускная вежливость, холодная красота и странная, хищная игривость этого факта не отменяют. Велиар — чудовище. Красивое, древнее, умное, но чудовище. И я не должна об этом забывать ни на секунду.

Я перевернулась на бок, уткнувшись лицом в подушку. Но образ его лица — с насмешливо приподнятой бровью, с алыми глазами, горящими в полумраке, — не исчезал. Он был там, за веками. Триста лет. Он видел смену династий, падение королевств, рождение и смерть целых поколений. Что для него значила одна человеческая жизнь? Одна смерть? Тем более моя, которая была там, в прошлом цикле, не существовавшем для него.

Почему он теперь ведёт себя иначе? Играет в эти странные игры, соглашается на мои условия, шлёт подарки?

Быть просто жертвой — ужасно, но понятно. Быть объектом холодного, расчётливого интереса бессмертного существа — это было что-то иное. Более глубокое, более личное и оттого более пугающее. Сама неизвестность.

Я сбросила одеяло и села на кровати. В комнате было холодно. Лунный свет, такой же холодный и беспристрастный, как он сам, пробивался сквозь щели в ставнях и ложился на пол серебристыми полосами. Мои глаза сами нашли в темноте контур комода, в дальнем углу которого лежала та самая шкатулка.

Я встала, босые ноги коснулись ледяного камня пола.

Подошла, открыла ящик. Даже в темноте деревянная шкатулка казалась тёмным пятном.

Я открыла её. Лунный камень внутри не светился сам по себе, но ловил лунный луч и отбрасывал слабое, призрачное сияние, будто в его глубине была заперта крошечная частица звёздного света.

«Зловещая красота», — подумала я снова. Именно так.

Я захлопнула шкатулку с таким щелчком, что он гулко отозвался в тишине. Нет. Я не позволю себя соблазнить. Ни красивыми безделушками, ни игрой в свадьбу, ни даже этим странным, леденящим поцелуем, от которого до сих пор губы будто онемели.

Я вернулась в постель, но уже не лёжа, а сидя, обхватив

колени.

Надо еще раз все прокрутить в голове. Это отрезвляет.

Он чудовище.

Он убил меня.

Он может убить снова.

Держи в голове!

Я буду проблемой.

Я буду той самой «принцессой», которую он так хотел получить — со всеми её капризами, умом и непредсказуемостью.

Если он хочет игру — хорошо. Я научусь играть. Но по своим правилам. Первое правило: никогда не забывать, кто он. Второе: использовать каждую данную им возможность против него самого. Третье: искать слабости. У всего есть слабости. Даже у трёхсотлетних вампиров.

Я посмотрела на полоску лунного света на полу.

Но ведь... Он искал цветок. Цветок, который я выдумала....

Нет!

Я не могла ему просто понравиться. Только не я. Все это просто игра.

Утром болела голова. Настолько много думала перед сном, что снились кошмары. Ещё и не выпалась. В висках стучало, глаза слипались, а в горле стоял комок от бессонной ночи.

Я с трудом поднялась с постели и подошла к умывальнику. Холодная вода немного освежила лицо, но не прояснила мысли. Они всё так же метались, как испуганные птицы в клетке: между страхом, гневом и этой новой, опасной решимостью.

В дверь постучали. Я вздрогнула, ожидая снова увидеть Лору, Элрика, или Марту.

Вошла Марта. В её руках был не поднос, а небольшой свёрток из мягкой ткани.

— Доброе утро, миледи, — тихо сказала она. — Элрик просил передать. Это... из Айронвейла.

Сердце упало, а потом забилось с новой силой. Из Айронвейла? Ответ от отца? Так быстро? Я почти выхватила свёрток из её рук. Он был лёгким. Слишком лёгким.

Я развернула ткань. Внутри лежала не реликвия, не фамильная драгоценность. Это была книга. Небольшая, в потёртом кожаном переплёте, без каких-либо опознавательных знаков.

Я открыла её. Страницы были исписаны мелким, аккуратным почерком, который я узнала сразу, поскольку большинство книг, хранящихся в библиотеке нашего замка, были подписаны именно им. Это был дневник. Дневник моей прабабушки.

Руки задрожали. Я прижала книгу к груди, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. Отец не прислал ничего ценного в том понимании, какое могло быть. Старая, забытая тетрадь

его бабушки. «Старое».

— Миледи? — осторожно позвала Марта. — Всё... хорошо?

— Да, — выдавила я, отворачиваясь, чтобы она не увидела моего лица. — Всё в порядке. Спасибо. Можешь идти.

Когда дверь закрылась, я опустилась на пол, прислонившись к кровати, и открыла дневник на первой странице. Записи были нерегулярными, обрывистыми. Описание погоды, списки покупок, иногда — строчки стихов или народных песен. Прабабушка никогда не была сентиментальна на бумаге. Даже на заметках книг была холодна. Но ближе к середине, среди записей о папиных детских болезнях и первых шагах, я нашла то, что искала. Не осознавая, что ищу.

«Сегодня снова видела сон. Тот самый. Лес, туман, и он. Тот, с глазами как угли. Он говорит, что придёт. Что это судьба нашего рода. Я боюсь. Никому не могу сказать, сочтут за безумие. Сожгут дневник. Но я должна предупредить. Надо спрятать «ее»...»

Запись обрывалась. Следующие несколько страниц были вырваны. Аккуратно, у самого корешка.

Ледяная волна прокатилась по спине. Прабабушка... она знала? Она видела кого-то? Во снах? И она боялась не за себя, а за... кого? «Ее». «Судьба нашего рода». Что это значит? И что она спрятала? И где? И кто этот «кто-то»?

Я лихорадочно перелистывала страницы до конца. Больше ничего. Только бытовые мелочи, пока записи не прекра-

тились за год до её смерти.

— Велиар точно что-то знает...— вслух сорвалось с губ. А уж я то спрошу.

Я закрыла дневник и прижала ладони к вискам, пытаюсь унять нарастающую боль.

«Старое» у меня теперь было. «Новое» лежало в шкатулке. А «артефакт»... артефакт, который должен был защитить союз, скорее всего был уже где-то в пути сюда.

Глава 10

Полдень следующего дня.

Я гуляла в саду, вернее, пыталась прогуляться. Ноги сами несли меня по знакомым, уже наскучившим дорожкам между подстриженными кустами, которые даже здесь, под редким солнцем, казались какими-то безжизненными. Мысли крутились вокруг дневника, вокруг вырванных страниц, вокруг этого зловещего «её». Кого? Мою бабушку? Мою мать? Меня?

И тут я услышала. Сначала — отдалённый, но ясный звук ржания коней. Не одного, а нескольких. Потом — лязг подков о брусчатку внутреннего двора, приглушённые голоса, окрики конюхов. Суэта, несвойственная обычно безмолвному замку.

Он вернулся? Быть не может. Так скоро? Лес Теней был огромен и опасен. Найти даже похожий цветок за пару дней... это было невозможно. Значит, он не нашёл? Или нашёл что-то другое? Или... он и не искал вовсе, а просто уехал по своим делам, а теперь возвращается, чтобы продолжить нашу игру?

Сердце заколотилось, смешав страх с каким-то нелепым, предательским ожиданием. Я замерла, прислушиваясь. Шум стихал, сменяясь привычной тишиной. Но это была уже другая тишина — напряжённая, полная ожидания. Он был

здесь. Где-то в этих стенах. Чувствую нутром.

Я не пошла навстречу. Не бросилась в замок. Вместо этого медленно повернулась и направилась в самую дальнюю часть сада, к полуразрушенной беседке, увитой каким-то чёрным, колючим плющом. Мне нужно было время. Время, чтобы стряхнуть оцепенение, чтобы собрать в кулак всю свою решимость, которую так легко развеял один лишь звук его возвращения.

Я сидела на холодной каменной скамье, сжимая в руках складки платья, и пыталась дышать ровно.

«Он чудовище. Он убил меня. Он может убить снова».

Я повторяла это как мантру. Но теперь к этим словам добавлялись другие:

Он что-то знает. О моём роде. О сне. О «ней». И я должна это выяснить.

Тень упала на вход в беседку. Я не слышала шагов. Он просто возник, заполнив собой проход. Велиар. Он выглядел... не как человек, проделавший долгий и опасный путь. Тёмный дорожный плащ, но без единого пятнышка грязи. Лицо было бледным, но свежим, только в глубине алых глаз таилась тень усталости, или, может быть, просто глубокой задумчивости. В руке он держал не свёрток, не цветок, а... ветку. Простую, чёрную, сухую ветку, покрытую инеем, который не таял в полуденном воздухе.

— Прогулка в одиночестве, пташечка? — голос, этот насмешливый оттенок. — Не слишком весело для невесты в

преддверии торжества.

Я подняла на него глаза, стараясь, чтобы мой взгляд был таким же холодным.

— Я размышляла, — сказала я. — О традициях. О прошлом. О том, что мы приносим в новый союз...

Он вошёл в беседку. Пространство сразу стало тесным, наполнилось его присутствием — не запахом, а ощущением холода и древней, затаённой силы. Он положил инеевую ветку на каменный стол между нами.

— Говоря о прошлом... твой отец прислал тебе «старое». Довольно... специфичный выбор.

Он знал. Конечно, знал. Элрик доложил.

— Это дневник моей прабабушки, — ответила я, не опуская глаз. — Возможно, в нём есть что-то, что поможет мне лучше понять свою новую семью. Историю Моренвилей. — Я сделала паузу, глядя прямо на него. — Вы, наверное, многое могли бы рассказать. Триста лет — это ведь только начало, не так ли, «сир»?

На его губах дрогнула тень улыбки. Он поймал мой выпад. Услышал в моём голосе не просто вопрос, а вызов. И, кажется, это его позабавило.

— Начало, середина... для таких, как я, эти понятия теряют смысл. Но да. Я мог бы рассказать. Если бы меня спросили... Правильно спросили.

Он обвёл взглядом беседку, потом снова посмотрел на меня.

— А что насчёт «нового»? Колье тебе понравилось?

— Оно... очень красивое, — сказала я осторожно. —
Неожиданно. Я просила что-то простое.

— Простота — понятие относительное, — он провёл пальцем по инеевой ветке, и иней под его прикосновением не растаял, а, казалось, стал ещё ярче. — Иногда самое простое — это то, что уже несёт в себе целую историю. Как этот дневник. Или... как эта ветка.

— Что это? — не удержалась я.

— Напоминание, — сказал он коротко. — О том, что некоторые вещи не умирают, даже когда кажутся мёртвыми. Они просто... засыпают. Ждут своего часа.

Он отодвинул ветку в сторону и сделал шаг ко мне. Я не отпрянула, но каждый мускул в теле напрягся.

— Я пока не нашёл твой цветок, Элис, — сказал он тихо, в голосе не было ни гнева, ни разочарования. — Лес Теней не рождает перламутра просто так.

Он не нашёл. Но он не был разгневан. Что задумал?

— Значит, свадьба откладывается? — спросила я недоверчиво.

— О, нет, — он мягко покачал головой. — Ничего не откладывается. Отправлюсь в другую часть леса через пару дней, мне нужно только кое-что прихватить... — Его взгляд скользнул по моему лицу, — Давай-ка по делу. Портные, я слышал, столкнулись с некоторыми... трудностями.

— Да, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал так же

непринуждённо. — Оказалось, найти достойную ткань — задача не из простых. Особенно если хочешь чего-то... особенного.

— Особенного, — повторил он, в его глазах вспыхнула та самая алая искорка, которая одновременно пугала и притягивала. — Ты знаешь, я ценю стремление к совершенству. Ожидание только усиливает вкус. — вампир сделал ещё один маленький шаг, сократив дистанцию до опасной. — Но всё же, пташечка, не затягивай игру слишком сильно. Даже у моего терпения есть пределы. И ты ещё не видела, что происходит, когда я его теряю.

Я то как раз таки видела. На себе ощутила, так сказать. Нервный смешок сам сорвался с губ.

— Я не играю, — сказала я, глядя ему прямо в глаза, хотя всё внутри сжималось в ледяной комок. — Я готовлюсь. Как и положено невесте. И, как уже ответила и им, хочу, чтобы событие это было ярким и запоминающимся. Замужество... это всегда волнительно.

Он тихо рассмеялся.

— О, готовишься. Это мило. — Вампир наклонился чуть ближе, и я почувствовала холодное дыхание на своей щеке. — Тогда готовься и к этому. Сегодня вечером мы ужинаем вместе. Ты и я...

Моё сердце замерло, а потом забилось с такой силой, что, казалось, он должен был это слышать. Что это за чувство? Отчего в груди так трепещет?

— Это... — прошептала я, отстраняясь, пока спина не упёрлась в холодный каменный столб беседки.

— Это просто ужин, что же ты так затрепетала?

Я выпрямилась, оттолкнувшись от столба. Холод камня сквозь тонкую ткань платья вернул мне твёрдость.

— Я не трепещу, — сказала я, — Сказали про ужин и задумалась над меню. Учитывая... специфические диетические потребности моего будущего супруга, выбор блюд может оказаться непростой задачей для поваров.

На его лице мелькнуло искреннее, почти человеческое удивление. Оно длилось лишь долю секунды, прежде чем сменилось привычной маской насмешливого интереса.

— О, не беспокойся о кухне, — парировал он, не отводя взгляда. — Я позабочусь, чтобы вино было превосходным. А что касается основного блюда... — он сделал паузу, давая словам повиснуть в воздухе, — ...я уверен, мы найдём что-то, что удовлетворит нас обоих.

Двусмысленность была настолько очевидной, что от неё перехватило дыхание. Но я не позволила себе смутиться.

— Тогда я с нетерпением жду, — сказала я, встала, делая шаг в сторону, чтобы обойти его и выйти из беседки. — Если позволите, мне нужно продолжить прогулку. Свежий воздух... проясняет мысли и... нагоняет аппетит.

Он не стал меня останавливать. Просто следил за мной тем пронзительным, тяжёлым взглядом, от которого спина горела, даже когда я уже вышла на дорожку.

Я шла, не оборачиваясь, чувствуя, как каждое его слово, каждый взгляд впиваются в память, как шипы того чёрного плюща.

«Просто ужин».

Ага. Просто. Ничего не бывает «просто». Особенно с ним.

Глава 11

Вечер наступил даже слишком быстро.

Солнце, едва пробивавшееся сквозь облака днём, окончательно скрылось, и замок погрузился в привычную темноту, нарушаемую лишь редкими факелами в железных скобах на стенах.

Каждый такой вечер напоминал мне, что время здесь течёт иначе — неумолимо сгущаясь к «его часам».

Я стояла перед зеркалом в своей комнате, поправляя складки платья. Выбрала тёмно-синее бархатное — цвет ночного неба, глубокий и сдержанный, не слишком открытое, не кричало о богатстве, но говорило о достоинстве, которого я отчаянно цеплялась.

В волосы же я вплела серебряную нить — единственное украшение, кроме того, что лежало в шкатулке.

Кстати, о ней...

Лунный камень холодно поблёскивал в свете свечей, словно осколок далёкой, безразличной луны. Надеть его? Это могло быть воспринято как знак принятия его дара, его правил. Или как вызов — демонстрация того, что я не боюсь его символов и готова носить их как трофей, как напоминание о своей собственной силе.

Я взяла кольцо в руку. Покрутила. Посмотрела. Металлическая застёжка щёлкнула с тихим, зловещим звуком. Холод-

ная капля легла на ключицу, точно капля застывшего звёздного света, и почти сразу же впитала тепло кожи.

Рассмотрела себя в зеркало, покрутилась. Образ завершился только после украшения, удивительно подходящего под случай и наряд.

— Идеально...

В малой столовой, куда меня проводил бесстрастный Элрик, царила иная атмосфера, чем в парадных, леденящих душу залах. Комната была невелика, обшита тёмным, почти чёрным деревом, а длинный стол накрыт только для двоих.

Свечи в массивных серебряных канделябрах отбрасывали трепещущие, пляшущие тени, делая помещение одновременно уютным и зловещим. На столе стояли хрустальные бокалы, отливающие кровавым отблеском в пламени, серебряные приборы и несколько блюд под крышками. И никого из слуг. Мы были одни.

Велиар сидел во главе стола, откинувшись на спинке высокого стула с готической резьбой. На нём был тёмный, почти чёрный камзол без лишних украшений, а в полумраке его бледное, безупречное лицо и алые глаза казались ещё более яркими, неземными, инородными в этом мире плоти и крови.

Он наблюдал, как я подхожу, не вставая, лишь слегка махнув длинными, бледными пальцами в сторону стула напротив.

— О-о-о, вовремя, как солдат на параде! — произнёс вам-

пир, — Садись-садись, не стесняйся. Надеюсь, аппетит не подвёл после столь насыщенного дня размышлений?

Я села, стараясь двигаться плавно, без суеты, хотя каждое движение давалось через силу.

Зачем так пялиться?

У меня на лице что-то?

— Благодарю за приглашение, — сказала я формально, опуская глаза на приборы. — В прошлый раз ведь так и не удалось... поужинать.

— Да, вечер вышел несколько... импульсивным, — согласился он с лёгкой, почти беспечной усмешкой. Очередной взмах рукой, теперь с театральным размахом. — Но сегодня всё будет чинно и благородно. Обещаю.

Крышки с блюд чудесным образом приподнялись сами собой, отодвинувшись в сторону с лёгким серебряным звоном. Магия не иначе. И эффект был рассчитан именно на то, чтобы произвести впечатление, да не вышло такого, какое ожидалось. Я уже подобное видывала не раз.

Надо отвлечься...

А хоть бы на еду! Почему нет?

Передо мной было лёгкое пюре с трюфельным маслом, запечённая дичь в ягодном соусе, тушёные овощи — пиршество, от которого сводило желудок. Перед ним — только один большой бокал из тёмного хрусталя, наполненный густой, почти чёрной жидкостью, что определённо точно не была вином.

Вампир медленно, с наслаждением поднёс его к губам, глубоко вдохнул аромат, не сводя с меня своих гипнотических, алых глаз.

— Ну что ж, — начал он, ставя бокал на стол с тихим стуком. — Давай начнём с самого простого? Как прошёл твой день, моя дорогая, многострадальная невеста? Не слишком ли затосковала в моём скромном обиталище?

Я была ошеломлена вопросом и его этим тоном.

Серьёзно?

Он будет... спрашивать о том, как прошёл мой день, с такой лёгкой, почти дружеской непринуждённостью?

Ему... такое вообще интересно?

Это была какая-то новая тактика, ещё более изощрённая, чем прямые угрозы?

Он пытался сбить меня с толку, или заставить расслабиться?

Я взяла вилку в одну руку, стараясь, чтобы пальцы не дрожали и не выдали внутренней бури. Нож в другую.

— День был... спокойным, — ответила я, отрезая крошечный, несущественный кусочек дичи. — Гуляла в саду. Читала. — Я сделала паузу, заставив себя поднять взгляд и встретиться с его глазами через пламя свечи, которое отражалось в них двойными адскими искрами. — А ваш? Удалось ли... отдохнуть после путешествия? Лес Теней, я слышала, место не для прогулок.

Сама же его туда и отправила, какая я молодец!

Уголок его губ нервно дрогнул в подобии улыбки.

— Отдых, милая моя, — понятие растяжимое. Для меня смена обстановки и есть своего рода отдых! Лес Теней... о, это не прогулка, это... беседа. Тихая, долгая беседа. Он наводит на такие размышления! — его тон не оставлял сомнений, он пытается меня заинтриговать.

— О чём же? — спросила я, поддавшись любопытству, несмотря на весь свой страх и ненависть.

Его игривость была такой заразной.

Раздражает.

— О времени, конечно! — воскликнул он, разводя руками, тени на стене взметнулись следом, — О том, как оно поразному течёт для деревьев. Они такие неторопливые!

— Деревьев... — повторила я неуверенно.

— Конечно! Как и для зверей. Импульсивные создания не так ли? Не то что люди! Вечно куда-то бегут!

— А для таких как вы? — не удержалась я от вопроса.

— ... И для таких, как я. — Он наклонился чуть вперёд, — Для нас время... оно то растягивается, то сжимается в один яркий миг. А некоторые вещи, знаешь ли, как застывшие во льду... они могут хранить память куда лучше любых пыльных книг. Взять хоть... засахаренные фрукты — выглядят мёртвыми, а внутри весь вкус сохранился. Или, хоть та же веточка, что я привез для тебя.

Он снова взял бокал, на этот раз сделав небольшой, церемонный глоток.

— Но хватит о моих скучных прогулках! Ты же читала. Кроме того дневничка с привидениями, разумеется. Уж не знаю, что в нём такого интересного, кроме паучков в углах страниц.

Вот и подобрались к сути.

Хочешь выведать, не строю ли я против тебя козни? Умно.

— Искала упоминания о своём роде в ваших фамильных хрониках, — призналась я, решив, что полуправда будет лучше лжи. Не хватало еще, чтобы он подумал, что я и правда строю заговор. — Хотела понять... Историю, которая привела меня сюда. Всё-таки, выйти замуж за незнакомца — одно, а за... легенду — совсем другое.

— И что же нашла, моя юная детектив? — спросил он с озорным любопытством, — Нашла сенсационные разоблачения? Тайные договоры, написанные кровью? Признания в любви?

— Что я просто много себе придумала, — ответила я, пожимая плечами с показной небрежностью, — Хотелось видеть то, чего нет. Какой-то связи, знаков... Возможно... — я заставила себя посмотреть на него прямо, — вы всё-таки были знакомы с хозяйкой дневника? Не как граф с подданной, а... иначе?

Велиар закинул ногу на ногу, откинулся на спинку стула ещё вальяжнее, и принялся рассматривать меня с преувеличенным вниманием.

— Ох, милая, я столько людей повидал за эти века, что

имена и лица иногда сливаются в одну сплошную, довольно скучную картину. Может, и был знаком. А может, она просто мелькнула в толпе. Много кто знал меня, — он вздохнул, притворно-грустно. — Это бремя известности. Но знаешь, что было бы куда интереснее, чем копаться в пыльных архивах?

Он внезапно оживился, как ребёнок, придумавший новую игру.

— Как насчёт того, чтобы отправиться в город завтра утром вместе? Свежий воздух, толпа, гам... Уточнишь у этого вечно ноющего портного насчёт тканей, а заодно познакомишься со своими будущими владениями! Ну что, а? Весело же будет!

В город? Вместе? Не шутка?

Я отложила вилку, стараясь скрыть дрожь в руках под столом, где они сжимались в белые, беспомощные кулаки.

— В город? — переспросила я, выигрывая время, чтобы голос не дрогнул. — Я думала, вы... заняты. Поисками. Цветка.

Напоминаю ему о том, что он вообще-то, еще не представил все предметы для бракосочетания.

— Поиски, поиски... — вампир махнул рукой, — Они могут и подождать! Цветок никуда не денется, а вот показать тебе твоё будущее — дело, я считаю, неотложное! К тому же, — его взгляд, вдруг ставший пронизательным, скользнул по моему лицу, считывая каждую морщинку напряже-

ния, — тебе явно не помешает сменить обстановку. Замок, я вижу, начинает давить на тебя, бедняжку. Стены слишком толстые, воздух слишком спёртый... Нехорошо для невесты перед свадьбой!

Он видел. Конечно, видел. Всегда. И в прошлой жизни. Видел, когда я боюсь, видел, когда лгу, читал меня, как открытую, крупно написанную книгу, и это бесило больше всего. Особенно сейчас, когда он делал вид, что просто заботится о моём комфорте.

— А будет ли это... безопасно? — спросила я, не в силах удержаться, чтобы не ткнуть его в его же сущность. — Учитывая вашу... репутацию и моё довольно хрупкое положение.

Он тихо рассмеялся.

— О, моя дорогая, в моих владениях ты будешь в большей безопасности, чем священная реликвия в алтаре! Никто не посмеет поднять на тебя руку. Никто не посмеет даже ко-со посмотреть! Я лично прослежу! Ты будешь под моей самой тщательной защитой. А что до репутации... — он сделал паузу для драматического эффекта, — ...пусть видят, что их старый, скучный граф наконец-то обзавёлся такой яркой, живой и, надо сказать, весьма колючей спутницей! Это же улучшит мой имидж!

По спине мурашки.

«Достойная спутница».

«Колючая».

Это звучало почти как комплимент.

С одной стороны я могу отказаться с другой.... Единственный шанс выбраться из каменного мешка, этого склепа с мебелью. Увидеть что-то помимо этих давящих стен. И, что немаловажно, оттянуть момент, когда мне придётся снова остаться с ним наедине.

— Хорошо, — сказала я, набираясь решимости, — Я согласна. Только... — я сознательно посмотрела на своё бархатное платье, — мне понадобится что-то более... подходящее для выхода в свет, — закончила я, поймав его насмешливый взгляд. — И, возможно, сопровождающая. Марта, например. Чтобы соблюсти приличия.

— Марта? Ах, да, твоя тень-служанка! — воскликнул он, хлопнув в ладоши, как будто только что вспомнил о её существовании. — Конечно, конечно, пусть тащится с нами! Без свиты и правда как-то несолидно для будущей графини. И платье тебе подготовят. Не это ваше траурное бархатное, а что-нибудь... — он прищурился, оценивающе глядя на меня, — ...ах, да! Что-нибудь светленькое! Чтобы народ видел, какая у них будет новая госпожа — свежая, сияющая, прямо как первый весенний подснежник! Ну, или как бледный лунный луч, если хочешь. — Он поднял свой бокал с той самой густой жидкостью в немой, ироничный тост. — Значит, решено! Завтра, утром, после завтрака. Я лично прослежу, чтобы тебя не съели по дороге... местные сплетницы.

— Сплетницы?

— О, они куда опаснее любого лесного зверя, поверь мне!

Глава 12

Это был не просто кошмар. Это было воспоминание. Осколок той жизни, той первой, обречённой попытки, которая закончилась в холодной тишине его кабинета. Память, которую я пыталась похоронить, но которая теперь вырвалась на свободу, воспользовавшись усталостью и страхом.

Мне снилось... нет, я помнила.

Тогда. Первая жизнь.

Я стояла не на балконе, а в глубокой нише за тяжёлым гобеленом. Не призрак, напуганная, наивная девушка, которая на вторую неделю своего «замужества» осмелилась нарушить запрет и спуститься ночью в восточную галерею.

Мне было любопытно.

Мне было скучно.

Мне казалось, что я могу что-то понять, подслушав.

И я слышала.

Не слова — крик. Короткий, отчаянный, тут же оборвавшийся.

И запах. Медный, тёплый, ужасно знакомый по разделке дичи, но здесь, в этом каменном коридоре, он был кощунственным и леденящим.

Я прижалась к стене, сердце колотилось о рёбра, как птица в клетке. Потом — шаги. Тяжёлые, мерные, неспешные.

Я затаила дыхание, вжавшись в тень.

Из-за поворота вышел «он». Не мой будущий супруг, который за ужином говорил о погоде и вине с вежливой, отстранённой холодностью. Это был кто-то другой. Вернее, так мне казалось, но это был он...

Велиар Моренвиль. Владыка. Хищник.

На нём был длинный плащ из чёрного, словно вороново крыло, бархата, небрежно наброшенный на плечи. Рукава опущены, но на рукавах, коже, на пальцах, тонких и изящных, были тёмные, липкие брызги. Он не торопился. Он шёл по коридору, как хозяин, осматривающий свои владения после небольшой, рутинной уборки. Лицо было спокойным. Совершенно спокойным. Ни тени волнения, ни отвращения, ни удовольствия. Пустота. Та же пустота, что была в его глазах, когда он смотрел на вино в бокале или на портрет на стене.

А потом он остановился. Прямо напротив моей ниши. Я зажмурилась, молясь всем богам, которых знала, чтобы гобелен не шелохнулся, чтобы моё дыхание не выдало меня.

Он стоял так вечность.

Услышала тихий, шипящий звук. Как будто кто-то проводит мокрой тряпкой по камню. И рискнула приоткрыть один глаз сквозь щель в ткани.

Он вытирал пальцы о тёмную материю плаща, медленно, тщательно. Следы исчезали, впитываясь в ткань, оставляя лишь чуть более тёмные пятна. Он поднял руку, разгляды-

вая её при тусклом свете факела. Удовлетворённо кивнул. И тогда его взгляд скользнул в сторону. Прямо на гобелен. Прямо на щель, в которую я смотрела.

Наши взгляды встретились.

В его алых глазах не было удивления. Никакого.

Он не сказал ни слова. Не двинулся с места. Он просто смотрел. Я видела то, чего видеть не должна была.

Сердце пропустило удар.

Я отпрянула от гобелена, спина ударилась о холодный камень.

А потом... Потом я побежала. Бежала по тёмным коридорам, спотыкаясь о собственные ноги, не разбирая пути. Но слышала за собой... тишину. Абсолютную. Никаких шагов погони. Это было хуже всего, что я могла представить. Он не бежал за мной. Он знал, что мне некуда бежать.

Сейчас. Вторая жизнь.

Я проснулась с резким, судорожным вздохом, вскочив на кровати. Во рту был вкус крови. Видимо, прикусила щёку во сне. Сердце колотилось, пытаюсь вырваться из клетки груди, отдаваясь глухой, болезненной болью. В комнате царила предраассветная мгла. В ушах стоял звон — отзвук того, давнего, беззвучного крика.

Я обхватила себя руками, пытаюсь сдавить, унять эту дрожь, но холод был не снаружи. Внутри.

Этот... этот «весельчак» за ужином, с его шутками и

предложениями прогулок — это была лишь другая грань того же самого графа. Маска, скрывающая ту же самую ледяную пустоту, то же самое абсолютное, всепоглощающее равнодушие ко всему, кроме его собственных интересов и скуки.

Я встала с кровати, подошла к окну, упёрлась лбом в холодное стекло. Внизу, в долине, город ещё спал, окутанный туманом. Моё будущее. Моя тюрьма. Моя арена. Я должна была танцевать. Искусно. Отчаянно. Так, чтобы ему продолжало быть интересно. Чтобы маска весельчака не сползла, обнажив лицо палача. Потому что я уже видела, что скрывается под ней. И второго шанса убежать от этого взгляда у меня не будет.

Город пестрил красками, несмотря на вечно мрачное небо и слухи о чуме в дальних округах. Здесь, под сенью замка, жизнь кипела с каким-то отчаянным, лихорадочным весельем, словно каждый день мог стать последним, и потому его нужно было прожить с удвоенной силой. Рынок оглашался пронзительными криками торговцев, пахло свежим, ещё тёплым хлебом, жареными каштанами, вощёной кожей и много чем еще.

Мы ехали в открытой карете, запряжённой парой лошадей с неестественно блестящей, словно лакированной, шерстью. Велиар сидел напротив, одетый в элегантный камзол цвета штормовой тучи, который лишь подчёркивал его смертель-

ную бледность.

На его лице играла та самая лёгкая, беззаботная улыбка, маска идеального хозяина, показывающего свои владения. Он кивал знакомым лицам в толпе, делал ленивые, царственные жесты рукой. Народ в ответ замирал, кланялся, женщины прятали детей за юбки, мужчины опускали глаза.

Я сидела рядом с Мартой, которая была бледнее своего крахмального чепца. На мне было то самое «светленькое» платье — из бледно-голубого шёлка, оттенка зимнего неба перед снегом. Оно было прекрасно, безвкусно дорого и делало меня похожей на призрака, на хрупкую фарфоровую куклу, которую выставили на всеобщее обозрение.

— Ну как, нравится? — весело спросил Велиар, откидываясь на спинку. Его голос перекрывал гул толпы, будто он говорил прямо мне в ухо. — Бойко, да? Настоящий муравейник. И все эти милые муравьишки... такие трудолюбивые. Прямо сердце радуется.

— Он... очень живой, — выдавила я, глядя, как торговка рыбой, заметив наш экипаж, поспешно накрывает свой прилавок чёрной тканью.

— Живой, именно! — вампир хлопнул в ладоши, как ребёнок. — В этом вся прелесть. Жизнь, пульсирующая прямо у подножия вечности. Забавный контраст, не находишь? — Его алые глаза скользнули по моему лицу, выискивая реакцию. Но я сохраняла маску вежливой отстранённости, которую отрепетировала перед зеркалом прямо перед выходом.

«Не показывай страха. Не показывай интереса. Будь glad-кой, как поверхность пруда»

Карета свернула на более широкую улицу, вымощенную булыжником. И тут я увидела его — массивное здание из тёмно-серого камня с высокими стрельчатыми окнами. Над дубовыми дверями висела вывеска с изображением раскрытой книги и пера: «Библиотека и Архив Гильдии Летописцев».

Моё сердце ёкнуло.

Легендарная! Частные коллекции. Дневники путешественников. Записки врачей. И все в одном месте!

Велиар проследил за моим взглядом. Уголок его рта дрогнул.

— А, Храм Знаний! — воскликнул он с преувеличенным почтением. — Место, полное сплетен, замаскированных под историю. Ты знаешь, они там даже меню с моих балов столетней давности хранят. Представляешь? «Фаршированные дрозды под соусом из трюфелей». Ужасная была идея, между прочим.

— Выглядит... солидно, — заметила я нейтрально.

— О, да. Сolidное хранилище скуки. Но иногда, — он понизил голос, делая вид, что делится секретом, — среди этой скуки попадаются настоящие алмазы. Записки о странных болезнях, например. Или о старых... долгах. — Он задержал на мне взгляд на долю секунды дольше, чем нужно, прежде чем беззаботно отвести его. — Но мы же не за этим

сюда приехали! Вперёд, к прекрасному! К искусству, которое ты сможешь носить!

Вскоре карета остановилась у мастерской портного.

«Ателье Вернона. Поставщик Двора».

Велиар вышел первым, с лёгкостью юноши, и протянул мне руку. Его пальцы были холодны даже сквозь тонкую перчатку. Прикосновение заставило меня вздрогнуть, но я позволила ему помочь мне сойти.

Марта вылезла следом, едва не споткнувшись.

Дверь в ателье открылась прежде, чем мы до неё дошли. На пороге стоял, очевидно, сам месье Вернон — человек лет пятидесяти, сухопарый, с острым, как у ястреба, носом и внимательными серыми глазами, которые мгновенно всё оценили. Он склонился в низком, почтительном поклоне, но в его поклоне не было раболепия, лишь точный расчёт и профессиональная дистанция.

— Милорд. Миледи. Для вас — весь мой скромный дом и всё моё искусство.

Арт. Глава 12

Глава 13

Внутри ателье пахло кедром, воском и старинными, пудровыми. Велиар, казалось, забыл о своей «скучной бухгалтерии», из-за которой собирался в город изначально, и с видом истинного ценителя погрузился в изучение образцов. Он щупал ткани подушечками пальцев, подносил к свету, алое зарево его глаз отражалось в шёлковых переливах.

— Этот бархат... слишком крикливый. А этот шёлк — вульгарно блестит. Ах, а вот это! — Он подскочил и остановился перед рулоном ткани цвета запёкшейся, почти чёрной крови. — Напоминает мне один очень старый, очень дорогой коньяк. Тот, что пьёшь не для вкуса, а для... послевкусия. Но, пожалуй, не для невесты. Слишком... драматично. Хотя, — он бросил на меня быстрый взгляд, — кто знает?

Месье Вернон, сохраняя ледяную невозмутимость, вёл меня к ширме в углу. Моё сердце колотилось не от предстоящей процедуры, а от ощущения, что я ухожу с линии его прямого взгляда вампира и мне за это потом прилетит.

За «барьером» с вышитыми аистами — ироничный символ — было хоть какое-то подобие уединения. Помощница, молодая девушка с умными, испуганными глазами, быстро и профессионально принялась за работу.

Её пальцы скользили по моим плечам, талии, бёдрам, тихо называя цифры. Я стояла в одном лишь тонком нижнем

белье и льняной сорочке, чувствуя не просто неловкость, а жгучую уязвимость. Пыталась думать о библиотеке напротив, о серых стенах, хранящих секреты, но мысли путались, цепляясь за звук его шагов с той стороны.

Именно в этот момент ширма с лёгким, зловещим шелестом раздвинулась.

— А что, если мы попробуем вот этот оттенок... — начал Велиар, заглядывая внутрь, и застыл на пороге.

Его алые глаза широко раскрылись — не с вожделением, а с наигранным, почти клоунским удивлением, как будто он случайно зашёл не в ту комнату и обнаружил там нечто совершенно неожиданное. На его губах играла та самая беспечная, растянутая улыбка. Но в глубине зрачков, в этих двух багровых безднах, что-то шевельнулось.

Я вскрикнула. Инстинкт заставил меня скрестить руки на груди, хотя сорочка была высокой и скромной. Но это движение лишь подчеркнуло линию тела, которую оно пыталось скрыть. Я почувствовала, как по коже, от шеи до самых щиколоток, пробежала волна жара. Это был не стыд. Это была реакция на сам факт его взгляда — пристального, влажного, физического. Он не просто смотрел. Он ощупывал меня глазами, медленно, с ног до головы, и каждый сантиметр кожи под его взором словно покрывался мурашками, загорался странным, противным теплом.

Помощница портного вскрикнула следом и отпрянула, уронив сантиметровую ленту, пока её щёки запыхали румян-

цем смущения и страха.

— Милорд! — воскликнул Вернон, — Это... совершенно недопустимо! Да и... приличия! Жених не должен...

Велиар приложил руку к сердцу с таким видом, будто его смертельно ранили стрелой.

— О, боже мой! Какая оплошность! — воскликнул вампир, но не отступил ни на миллиметр. Напротив, он словно врос в пол, заполняя собой всё пространство за ширмой. Его взгляд, уже сбросивший маску удивления, стал открыто игривым и оценивающим.

Он скользнул по моим обнажённым плечам, по линии ключиц, дрожащей под тонким льном, по стянутым на груди рукам, по бёдрам, обтянутым кружевным бельём. От каждой секунды такого, казалось, одежда на мне вовсе испаряется.

— Я просто был увлечён поиском идеального оттенка! Совершенно забыл о суевериях. Но, знаете, — он сделал шаг вперёд. Холодное сияние его тела, странная аура, ворвалась в тесное пространство, заставив воздух замереть. Все инстинктивно отпрянули дальше, кроме меня. — Глядя на такой... э-э-э... холст, — прозвучало крайне непристойно, — я начинаю думать, что приметы — это ерунда. Главное — чтобы художник был талантлив. А вы, месье Вернон, несомненно, талантлив. Верно?

Я собрала всю свою волю в кулак. Внутри всё дрожало, но я заставила мышцы напрячься. Медленно, с преувеличенным достоинством, разжала руки и опустила их по швам.

Плечи расправились. Подбородок приподнялся. И я посмотрела ему прямо в глаза, в эти алые бездны, где плескалось весёлое, жестокое любопытство.

Я не пыталась больше прикрыться. Пусть видит. Пусть смотрит. Все равно рано или поздно это произойдет.

— «Сир», — сказала я неожиданно низко, — Ваше любопытство понятно, но месье Вернон прав. Это правило. И я настаиваю на его соблюдении. К тому же... Платье должно остаться сюрпризом. И его цвет я подберу сама.

Я вложила в последнее слово всю сталь, на какую была способна. Пусть знает. У меня тоже язык не за зубами спрятан.

Он отступил на шаг — первый признак того, что давление ослабло — и сделал витиеватый поклон, столь низкий, что чёрные пряди волос почти коснулись пола.

— Прошу прощения, моя леди! Я склоняюсь перед вашей твёрдостью и... знанием традиций. Конечно, сюрприз! — Он отступил за ширму, но его голос, полный весёлого, торжествующего злорадства, всё ещё доносился, обволакивая, — Уж постараюсь сделать вид, что совершенно не представляю, как будет выглядеть это произведение искусства. Хотя, должен сказать, основа уже выглядит многообещающе!

За ширмой воцарилась гробовая тишина, которую нарушало только моё учащённое, предательски громкое дыхание. Я чувствовала, как кровь стучит в висках, как горит лицо. Помощница портного, подняв ленту, не могла вымолвить ни

слова.

— Продолжайте, месье Вернон, — сказала я тихо.

Пока портной заканчивал работу, его пальцы теперь казались почти невесомыми, за ширмой доносились насвистывание какой-то бойкой, насмешливой мелодии и комментарии Велиара о достоинствах различных видов кружева. Он вёл себя так, будто ничего не произошло. Но в воздухе осталось его присутствие. И ощущение на моей коже — как прикосновения, невидимые, пылающие следы.

В конечном итоге в замок мы вернулись к ночи. Не к вечеру, а к самой что ни на есть густой, непроглядной ночи, когда даже луна скрылась за тяжёлыми тучами.

Велиар был необычайно молчалив. Он сидел напротив, откинувшись на спинку, и смотрел в тёмные дали. Его игривость испарилась вместе с дневным светом, оставив после себя лишь усталую, холодную задумчивость. Эта перемена была пугающей.

Карета остановилась во внутреннем дворе. Вампир вышел первым, не предложив руки, и исчез в тени арки, ведущей в его крыло замка, даже не обернувшись.

Элрик, появившийся как из ниоткуда, помог мне и почти спящей Марте выйти.

— Граф просил передать, что ужин подадут в ваши покои, миледи, — монотонно произнёс мажордом. Это когда он успел ему сказать? Я вот не слышала!

— Не вместе? — уточнила я.

— Он... занят.

«Занят».

Гляньте на него! Весь день как в жопу ужаленный ни на шаг не отходил, а тут вдруг дела!

— Да... Хорошо, все равно.

А мне все равно?

В своей комнате я быстренько сбросила с себя это «светленькое» платье. Служанки принесли ужин — лёгкий, почти не тронутый. И я села у камина, кутаясь в тёплый шерстяной плед. Смотрела на огонь, но видела не пламя, а отражение алых глаз в полумраке за ширмой.

— Почему... он так странно ведет себя? Отчего... отчего сердце так бьется в груди? Я должна его ненавидеть! — я смотрела на свои ладони, не понимая, что со мной происходит.

Сжала кулаки, пытаясь заглушить странную дрожь, что шла не от холода, а изнутри. Разжала. Сжала снова.

Ненавидеть. Да, я должна его ненавидеть. Я ненавидела его. Это был якорь, единственная твёрдая почва в этом кошмаре. Но почему тогда воспоминание о его взгляде зажигало под кожей не только леденящий ужас, но и этот предательский, постыдный жар?

Я закрыла глаза, ища в памяти не его насмешливую улыбку, а то, что должно было навсегда выжечь любую двусмысленность. И память, верная слуга, услужливо подала нужный образ. Не из ночи моего убийства. Из тех первых, обманчиво

спокойных дней в прошлой жизни.

Тогда. Первая жизнь.

Тогда я ещё пыталась быть хорошей, послушной невестой. Я боялась его как мужчину. Страх был приглушён роскошью и странной, отстранённой вежливостью, с которой он со мной обращался.

Однажды утром, за завтраком, я неосторожно обмолвилась, что чай холодный. Сказала тихо, почти про себя, не ожидая последствий. Служанка, которая подавала его — юная, пухлощёкая девушка по имени Лиза, с веснушками и добрыми, доверчивыми глазами, — услышала. Её лицо, румяное от утренней беготни, в одно мгновение стало цвета мела. Она бросила на меня умоляющий взгляд. Но было поздно...

Велиар, читавший какую-то деловую бумагу, даже не поднял головы. Его перо скользило по пергаменту с лёгким шелестом. Он дочитал абзац, поставил точку, и только тогда медленно поднял глаза. Не на меня. На нее.

— Холодный? — переспросил он своим ровным, безэмоциональным голосом, лишённым даже оттенка удивления или раздражения. — Непорядок.

Мужчина отложил перо, аккуратно сложил бумагу и положил её на стол, выровняв край со столешницей. Движение было медленным, лишённым суеты.

Потом он посмотрел на Лизу. Просто посмотрел. В его

алых глазах не было ничего человеческого — ни гнева, ни жалости, ни даже обычного раздражения.

— Десять ударов, — произнёс он так же спокойно и чётко, как если бы заказывал ещё одну чашку чая или диктовал пункт договора. — На глазах у леди. Чтобы впредь была внимательнее. И чтобы леди понимала цену необдуманных слов.

Я вскочила с места, стул с грохотом отъехал назад. Фарфоровая чашка опрокинулась, чуть тёплый чай растекался по белоснежной скатерти, как бурое пятно.

— Нет! Пожалуйста, это моя вина, я просто... я не хотела! — мой голос сорвался на визгливый шёпот.

Вампир медленно перевёл взгляд на меня. Лицо же осталось абсолютно неподвижным.

— Твоя вина в том, что ты высказала недовольство, долго поглощая завтрак, конечно, он остыл, — перебил он меня, — А её вина — в нерадивости. Каждая должна нести своё бремя. Элрик.

Мужчина, стоявший у стены, как тень, сделал шаг вперёд.

— Приведи её во двор. И сопроводи леди. Приказ в исполнение. На ее глазах.

Меня, трясущуюся, умоляющую, почти не соображающую от ужаса, взяли под локоть. Я пыталась вырваться, но пальцы Элрика сомкнулись, как тиски, не давая этого сделать. Я не хотела идти.

Во внутреннем дворе, на сыром, покрытом утренней изморосью камне, уже ждали двое стражников в полной аму-

ниции. Лица были скрыты шлемами, превращая их в безличные орудия.

Лиза уже не плакала. Она была в состоянии тихого, парализующего шока. Её руки, тонкие и бледные, были привязаны к специальной деревянной перекладине, врытой в землю. Она не кричала, только тихо, безнадёжно всхлипывала, а её взгляд, полный немого укора и такого всепоглощающего ужаса, что хотелось вырвать себе глаза, был прикован ко мне. В нём читалось одно: «Почему именно я? Почему сейчас?»

Велиар встал в стороне, в тени аркады, прислонившись к колонне, сложив изящные руки на груди.

Первый удар плетью — толстой, сплетённой из сыромятной кожи — со свистом рассек сырой воздух и впился в тонкую ткань платья с глухим, влажным звуком. Лиза вскрикнула — коротко, отрывисто. Второй удар. Третий. Я зажмурилась, вжавшись в себя, но не могла заглушить звук — тот самый, ужасающе конкретный хлопок по живой плоти, сдавленные, захлёбывающиеся рыдания. Я открыла глаза на четвёртом ударе, не в силах больше сопротивляться мазохистскому любопытству ужаса. На спине девушки, сквозь разорванную ткань, уже проступали жирные, багровые полосы.

Велиар смотрел. Но уже не на неё. На меня. Его алые глаза, холодные и не моргающие, ловили каждую мою гримасу, каждый содрогающийся вздох, каждую слезу, что предательски катилась по моему лицу, несмотря на все мои попытки сдержаться.

После десятого удара, Лизу отвязали. Она не рухнула — она просто обмякла, как тряпичная кукла, и беззвучно сползла на камни. Её тут же, без лишних слов, подхватили и унесли. Пятно ее крови так и осталось на сером камне.

— Урок, — тихо сказал вампир, но даже с такого расстояния я слышала его прекрасно. — Первый. Порядок стоит на дисциплине. А сострадание, моя дорогая, — это роскошь, которую не каждый может себе позволить. Особенно здесь. Запомни это.

К слову... Лизу я больше не видела...

Глава 14

Сейчас. Вторая жизнь.

Я открыла глаза. В комнате было тихо, только потрескивали дрова в камине. Я снова смотрела на свои ладони, но теперь они были сжаты в кулаки.

Сердце всё ещё бешено колотилось, но теперь я понимала почему. Молюсь лишь, чтоб то была не зарождающаяся... симпатия. Боже упаси. Пусть это будет инстинкт распознавания хищника. Адреналин. Тело, готовящееся к бою или бегству перед лицом смертельной опасности, которая маскируется под игру. Что угодно из этого...

«Я должна его ненавидеть», — повторила я про себя, глубоко вдохнула и выдохнула.

— Соберись... да что же ты творишь?

Утром за завтраком Велиара не было. На его месте лежала аккуратно сложенная салфетка, а приборы сияли холодной пустотой. Элрик, наливая мне чай, сообщил, что граф уехал по делам в поместье неподалеку, и вернётся к вечеру.

«Дела». Всегда у него были эти «дела». Вчера — «занят», сегодня — «уехал».

— Ага... конечно....

После завтрака я вышла на прогулку в сад. Не потому, что хотела подышать воздухом, а потому что не могла сидеть в четырёх стенах с этими мыслями. Как пойманные в банку

осы жужжат и жужжат. Без остановки. Выкинуть бы уже эту чертову банку!

«Ведет себя как хочет... а что я?» — эхо моего же вопроса отдавалось в висках.

Я шла по аккуратно посыпанным гравием дорожкам, но не видела ни идеально подстриженных кустов самшита, ни мраморных статуй, застывших в вечном, неестественном изяществе. Я видела его лицо. То, каким оно было вчера в карете — усталое, лишённое маски, древнее и пустое. И то, каким оно было за ширмой — оживлённое хищным, оценивающим интересом.

«Боги, почему вообще о нём думаю?»

Логично, что он — центр этого кошмара. Солнце, вокруг которого вращается вся моя вселенная. Не думать о нём было всё равно что не думать о дыхании. Он был в самом воздухе.

«Я же не могла влюбиться?»

От этой мысли меня бросило в жар, а потом в ледящий холод.

Нет же!

Нет. Это было не то. Это не могло быть «то»!

Это было что-то другое!

Притяжение жертвы к хищнику? Любопытство к тому, что тебя убьёт? Или... признание силы? Признание того, что в этом холодном, расчётливом, бесконечно древнем существе была мощь, против которой моя человеческая хруп-

кость казалась ничтожной?

Нет. Конечно нет.

Это просто... любопытство из соображений безопасности.

Я же хочу выжить!

Точно.

Я почти убедила себя. Пока не наткнулась взглядом на каменную скамью в тени. На той самой скамье, в прошлой жизни, я однажды застала его. Он сидел, откинув голову, и смотрел на клочок серого неба между ветвями. Не читал, не размышлял — просто смотрел. В тот миг он показался мне не всемогущим владыкой, а... бесконечно одиноким. И эта мысль, тогда мелькнувшая и тут же отброшенная, теперь вернулась с новой силой, смешавшись со вчерашней усталостью в его глазах.

Я резко отвернулась, как будто она могла меня обжечь.

Нет. Это ловушка. Очередная его ловушка, только на сей раз устроенная в моём собственном сознании.

Жалость к нему? Это было бы верхом глупости. Вершиной самоубийственного идиотизма.

Мои шаги сами понесли меня к дальнему краю сада, к низкой каменной ограде, за которой начинался крутой обрыв, а внизу раскинулся город.

Я уперлась руками в холодный, шершавый камень, смотрела на дымчатые крыши, на движение в улицах-щелях. Там была жизнь. Грязная, шумная, испуганная, но жизнь. А

здесь, за моей спиной, была лишь красивая, мёртвая декорация и тишина, в которой слышалось только биение моего собственного, предательского сердца.

Я должна сосредоточиться на главном. На выживании. На том, чтобы переиграть его. А для этого нужно перестать рефлексировать и начать действовать.

— Моя невестушка затосковала по мне?

Его голос позади, такой резкий и неожиданно близкий, заставил меня не то что вздрогнуть — с визгом подпрыгнуть. Я обернулась так резко, что закружилась голова.

— Создатель помилуй! — схватила я за грудь, где под платьем бешено колотилось сердце. — Нельзя так подкрадываться! — Не думая, на чистом инстинкте, я сорвала свисавшую рядом тонкую, гибкую ветку и хлестнула ею вампира по плечу, будто он был не мой грозный пленитель, а озорной мальчишка, пытавшийся меня напугать у колодца.

Звук был негромкий, но отчётливый. Ветка даже слегка зависла в воздухе от отдачи по телу.

Вот так и стоим. Смотрим друг на друга. Я — широко раскрыв глаза, с пылающими щеками, всё ещё сжимая в руке своё «оружие». Он — с приподнятой бровью, с лёгким, неподдельным изумлением на обычно бесстрастном лице.

Его алые глаза округлились.

— Из... извините... — сорвалось с моих губ шёпотом.

Ну всё. Мне конец.

Я ударила вампира, древнего графа, в его собственном са-

ду. Сейчас он меня схватит. И убьет.

Или сделает что-то хуже.

Но он рассмеялся.

«Какого..?»

Это был искренний, почти что человеческий взрыв смеха, который заставил его откинуть голову назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.